

Языковая ситуация и языковая политика в странах славянского мира

К проблеме языковой ситуации: на примере функциональной дистрибуции языков Республики Башкортостан

Л. Л. Аюпова, Э. А. Салихова

Башкирский государственный университет, Уфимский государственный авиационный технический университет (Уфа, Россия)

*Демолингвистические переменные, доминантный / недоминантный язык общения, компетенция, ориентация,
титულный / нетитулный языки, языковая ситуация*

Аннотация. С социо- и психоллингвистических позиций рассматриваются отдельные из перечисленных компонентов такого сложного и неоднозначного с точки зрения содержания, многогранного и многоступенчатого явления, как концептуальное поле *языковая ситуация*: статус языка; языковая политика и языковое строительство; языковые конфликты; языковая компетенция; ценностные ориентации этнофоров, составляющих языковой портрет социума, особенно билингвистический как уникальный феномен социоллингвистики.

1. В работах отечественных социолингвистов часто использовались понятия «языковое состояние», «языковая действительность», «языковая панорама», понятие же «языковая ситуация» имело как бы негативную коннотацию (добавочные семантические или стилистические оттенки). Доминантой понятия означенной дефиниции у В. А. Аврорина выступает функциональная сторона языка, т. е. характер функционирования различных форм языка и их взаимодействие с другими языками во всех сферах жизни конкретной этнической общности. В дальнейшем автор уточняет его, используя понятие «речевая ситуация», ибо первое «как скрытый движущий механизм недоступно для непосредственного наблюдения и чувственного восприятия».

2. Демолингвистические переменные с течением времени вносили порою существенные изменения в понятийную структуру языковой ситуации, однако в формулировках понятия разных лет прослеживается много общего. Прежде всего это относится к такому компоненту, как социально-функциональная иерархия языков в обществе и в различных сферах человеческой жизнедеятельности. В работах по данной проблематике представлялась картина языкового состояния, лишь немногие исследователи имели в виду развитие, функционирование языка в разных сферах его применения, т. е. исследование его в развитии, а не констатацию только как факта (хотя последнее тоже важно).

3. Современная социоллингвистика должна рассматривать языковую ситуацию как совокупность социоллингвистических, этнолингвистических и лингвистических компонентов, образующих некий континуум. По существу мы разделяем точку зрения А. Н. Баскакова, но не акцентируем на синхронном состоянии языковой коммуникации, обусловленном социальной и коммуникативной ситуациями макросоциальной общности, ибо социоллингвистические переменные предполагают рассмотрение компонентов языковой ситуации в развитии.

4. Социализация личности, индивида отображается в дихотомии *язык – речь* (компетенция – исполнение). Отечественными учеными была создана трехчленная формула: *компетенция – отношение – ориентация*, которую вполне можно принять с одним дополнением, касающимся содержания «языковой ориентации». С учетом происходящих бурных языковых реформ термин «языковая ориентация» несет в себе не только «психологическое отношение билингвов к различным языкам» (М. Н. Губогло), что вполне приемлемо и понятно, в современных условиях – это и отношение индивида (монолингва, билингва) или социума к статусу языка или языков, их экстенсивному и интенсивному, реальному и потенциальному функционированию, вопросам языкового строительства, языковым конфликтам и языковой экспансии, проблемам билингвизма и многоязычия.

5. Языковая компетенция, связанная с владением и использованием языками в Башкортостане, может быть охарактеризована следующими параметрами. Владение родным языком (этнической принадлежности) основных национальностей республики можно проиллюстрировать такими показателями:

башкиры – 74,7%, русские – 99,9%, татары – 92,9%, чувашы – 82,7%, марийцы – 91,2%, украинцы – 41,4%, мордва – 66,9%, удмурты – 90%, белорусы – 26,4%, немцы – 46,9%, евреи – 12%, казахи – 65,3%, азербайджанцы – 74,3%, армяне – 57,2%, латыши – 46,9%, греки – 24,4%. Что касается степени владения башкирским языком, то нужно отметить, что социальная база его функционирования по типу расселения снижает этот показатель: см. статистические данные в [Государственная программа...: 14].

6. Сферы коммуникативного использования языков внутри республики различны, неодинаковы и их статус, социальная и коммуникативная базы их применения: среди 13 языков выделяются 3 с максимальными социальными функциями, но с различным статусом: русский как общегосударственный язык РФ и средство межнационального общения, нетитульный в условиях РБ; башкирский язык как язык титульной нации и татарский – язык, на котором говорит около трети населения РБ, нетитульный в условиях РБ, но охватывающий 2 / 3 территориального распространения РБ; 10 языков с более ограниченными социальными и коммуникативными функциями; 5 языков выполняют узкую учебную функцию иностранных языков.

7. В ситуациях спонтанного приобретения второго языка, т. е. конструирования вторичной языковой системы под воздействием речевой среды, информанты-билингвы в психоллингвистическом эксперименте демонстрировали использование русского языка в качестве языка более широкого социума. Было принято во внимание, что формирование вторичной языковой системы в некотором смысле накладывалось на сложившиеся соответствия в когнитивной области. При формировании первичной языковой системы языковая категоризация сопрягалась с категоризацией явлений окружающего мира, при формировании вторичной – происходило создание новых мыслительно-языковых отношений.

8. Убывание билингвальности (термин Г. Н. Чиршевой) проявилось в результатах экспериментов двояко: с одной стороны, отмечался положительный сдвиг в развитии метакоммуникативных способностей, с другой – шло разграничение языков по степени востребованности в коммуникации: недоминантный язык в таких случаях вытеснялся доминантным языком общения и переходил на уровень пассивного хранения. Снижение билингвальности за счет забывания родного языка наблюдалось при смене ситуации на монолингвальную и потере мотивации использовать родной язык.

9. Ассоциативный портрет билингва / трилингва в условиях Республики Башкортостан можно охарактеризовать как а) мозаично-дискретный за счет существования некоторого подвижного условного центра и периферийных зон, соседствующих с ним и представленных как предметно, так и совокупностью элементов ментального и чувственного характера; б) в виде множества взаимно пересекающихся амбивалентных признаков.

Литература

Государственная программа «Возрождение и развитие башкирского народа». Уфа, 1996.

Принципы за структурирање на современниот образовен систем

С. Бойковска

Скопје, Република Македонија

Анотация. Структура современной системы образования в Республике Македонија. События второй половины XX века поставили несколько ключевых вопросов, с которыми сталкиваются современные общества в начале XXI века. Развитие компьютерной технологии и современной системы информатики привело к сближению народов мира. Экономическая политика и глобализация просвещения, с одной стороны, и вхождение Республики Македонија в европейский мировой процесс интеграции, с другой стороны, приводит к неминуемому быстрым изменениям и инновациям в системе образования.

Настаните од втората половина на 20-от век поставија неколку клучни предизвици со кои се судираат современите општества на почетокот на 21 век. Развојот на компјутерската технологија и современите информациски системи придонесе за зближување на народите во светот. Економската, политичката и образовната глобализација, од една страна, и определбата на Република Македонија за интеграција во европските и светските процеси, од друга, наложуваат неминовни брзи промени и иновации и во образовниот систем. Истражувањето и иновациите, како и развој базирани на принципот **знам како-способностите** се основните постулати на современниот образовен систем. Македонскиот образовен систем, во наредниот десетдецениски концепт (*Национална програма за развој на образованието 2005–2015*), треба да се базира на високи образовни стандарди, унапредување на истражувањето и засилување на креативно-

ста и иновациите, почитување на специфичностите во културната посебност, како и примена на современа информациска и комуникациска технологија. Активното учество на Република Македонија во глобалните интеграциски процеси подразбира и преземање одговорност во глобалната интеграциска политика и во сферата на образованието.

Структурата на современниот образовен систем во РМ, во процесот на исполнување на своите цели и задачи треба да се базира на следните принципи: а) принцип на демократичност и почитување на индивидуалните разлики на субјектите во образовниот процес; б) принцип на ефикасност во образованието; в) принцип на воведување на основни општообразовни стандарди; г) принцип на поврзување меѓу субјектите во образовниот систем; д) интердисциплинарност во наставните програми и начин на нивно структурирање по области итн.

Тенденции развития и направления нормирования славянских языков на современном этапе.

Возникновение и кодификация новых литературных славянских языков

В. Ф. Васильева

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (Москва, Россия)

Культура языка, норма, кодификация, языковая ситуация, литературный язык

Анотация. В докладе на фоне современных процессов, наблюдающихся в славянских языках, рассматриваются основные вопросы культуры языка, в частности, нормирования и кодификации. Особо отмечается тот факт, что в языковых ситуациях национальных языков со всей очевидностью прослеживается взаимодействие универсальных и специфических тенденций развития.

1. Культура языка (далее КЯ) понимается автором как прикладная лингвистическая дисциплина, задачи которой заключаются в том, чтобы способствовать развитию языка в соответствии с его закономерностями, непреложностью удовлетворения общественных потребностей в средствах выражения с учетом социальных условий коммуникации. Согласно данному определению КЯ в центре внимания оказываются не только проблемы литературного языка как безусловной языковой доминанты, но и его соотношения и взаимодействия с другими формами существования национального языка. Динамика языковой системы, пополнение словарного состава языка, взаимодействие внешних и внутренних факторов, оказывающих влияние на ход языковых процессов, – все это предполагает многоаспектность исследований в области КЯ, требует комплексного подхода к решению актуальных проблем.

2. Своеобразие современного состояния славянских языков в том, что они, за исключением так называемых малых славянских языков, имеют статус государственных. Это означает, в частности, что литературные славянские языки развиваются без каких-либо ограничений во всех общественных, публичных, официальных коммуникативных сферах. Отмеченную особенность позволительно определить как языковую универсалию на синхронном уровне развития славянских языков. Вместе с тем национальные (этнические) языки характеризуются индивидуальностью языковых ситуаций, обусловленной особенностями исторического становления и развития языков. Поскольку каждая языковая ситуация весьма чувствительна к социальным процессам, ее анализ становится одним из центральных объектов сопоставительного изучения языков в аспекте КЯ. В исследованиях указанного направления представляется важным не только выявлять совпадения и различия в языковых ситуациях, но и дать оценку происходящим изменениям, обосновать возможность или невозможность их внедрения в практику с точки зрения языковых закономерностей и ценностных параметров литературного языка. Для литературных языков с

давной традицией, как, например, русский и польский, взаимодействие с нелитературными формами, прежде всего территориальными диалектами, не играет определяющей роли в их современном развитии. Однако для литературных языков, ставших на путь становления сравнительно недавно, как, например, македонский, взаимодействие со своей диалектной базой остается, как показывают результаты проведенных исследований, актуальным. Диалектная база в этом случае продолжает оказывать действенное влияние на развитие грамматического и лексического уровней литературного языка. Это означает, что направления нормирования и кодификации при наличии языковых универсалий перекрываются не полностью. В каждом отдельном случае они имеют национальную специфику.

3. Взаимодействие литературного языка с нелитературными формами тесно связано с понятием демократизации языка. Процесс демократизации литературного языка часто ограничивается вопросом сближения литературного языка с обиходно-разговорной речью, которая может быть представлена функциональными стилями, интердиалектами и диалектами. Такой подход к понятию демократизации, несомненно, является сужением проблемы. Тем не менее следует признать, что проблема нормирования и кодификации нелитературных средств выражения на сегодняшний день не потеряла своей значимости и продолжает оставаться чрезвычайно актуальной. Наиболее показательна в этом отношении чешская языковая ситуация. В диалектной системе чешского языка наиболее устойчивым, консолидированным в структурном отношении является интердиалект, возникший в результате процесса интеграции собственно чешских диалектов (прежде всего среднечешских) – *obecná čeština*. Он давно уже перешагнул пределы собственно Чехии и в настоящее время выполняет функцию обиходно-разговорного языка примерно на половине территории Чешской Республики. Прочные системные и функциональные позиции среднечешского интердиалекта, его территориальная экспансия позволяют ему оказывать заметное влияние на

систему литературного языка. Внутреннее противоречие между двумя формами существования национального языка разрешается проникновением в литературный язык интердиалектных элементов, что означает унификацию языковых средств в рамках литературного языка. Взаимодействие среднечешского интердиалекта с литературным языком настолько активно, что ряд чешских лингвистов ставит вопрос о придании ему статуса общенационального разговорного языка. Однако на сегодняшний день этот вопрос, как и много лет назад, остается открытым. Одна из причин создавшегося положения видится не только в территориальной ограниченности интердиалекта, но и в том, что частотность употребления тех или иных языковых средств не тождественна понятию ценности.

4. Одна из общих тенденций развития современных славянских языков характеризуется появлением в публичной коммуникации так называемых гибридных функциональных стилей. Они явились «продуктом» новых веяний в общественной коммуникации. Результаты ее раскрепощения сказались на рождении многих новых устных жанров: различные ток-шоу, круглые столы, новые формы интервьюирования и т. д. Все они имеют объединяющее начало – взаимодействие различных языковых подсистем. Создавшееся

положение требует, с одной стороны, корректировки нормотворческого подхода, с другой – сохранение ценностных параметров литературного языка. Указанная проблема предполагает индивидуальное ее решение, учет влияния на развитие каждого языка как внутриязыковых, так и внешних факторов.

5. С вопросом развития нормы, поддержанием «гибкой стабильности» связан и процесс заимствований и прежде всего заимствований англицизмов, ставший по известным причинам общим для всех славянских языков. Процесс заимствований включает в себя две составляющие, выражающие объективные и субъективные потребности общества в новых наименованиях. Объективность заимствований означает реальную необходимость в появлении новых языковых средств выражения. Субъективный характер заимствований говорит об их случайном появлении в языке-рецепторе. Такая случайность может быть продиктована «языковой модой», престижностью использования иноязычных средств, элементами стихийности в процессе заимствований. Соотношение параметров объективности и субъективности в каждом языке различно. Одной из задач кодификации в данном случае является сохранение баланса между двумя составляющими заимствований.

Современное состояние и тенденции функционирования русского языка на территории Украины (Крым, г. Севастополь)

Н. В. Величко

Филиал Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова в г. Севастополе (Севастополь, Украина)

Русский язык, функционирование, Украина, образование

Аннотация. В докладе будет представлен анализ русскоязычного среднего и высшего образования в Крыму и г. Севастополе.

1. Русский язык сегодня является средством межнационального общения на постсоветском пространстве. Владение русским языком позволяет пользоваться достижениями республик бывшего СССР в области науки, техники, литературы и культуры.

2. Согласно сведениям последней переписи населения 2001 года из всех жителей Украины 77,8% составляли украинцы, 17,3% – русские и 4,9% – других национальностей. Но как родной русский язык определили около 30% населения Украины.

3. По результатам общенационального опроса взрослого населения Украины, проведенного Фондом «Демократические инициативы» и фирмой «Юкрейниан социолоджи сервис» в 2006 году, украинский язык считали родным 60% украинцев, русский – 38%, но в семье предпочитали общаться только на украинском – 37%, только на русском – 34%, на двух языках, в зависимости от обстоятельств, – 28% респондентов [Опрос...].

4. Общее количество жителей в г. Севастополе по данным переписи населения 2001 года 377 тысяч человек, 90% которых назвали русский язык родным.

5. Статьей 10 Конституции Украины установлено, что в Украине гарантируется свободное развитие, использование и защита русского, других языков национальных меньшинств Украины. Статья 11 Конституции Украины регламентирует, что в местах проживания большинства граждан других национальностей языком работы, делопроизводства и документации наряду с украинским языком может быть и национальный язык большинства населения той или иной местности, а также язык, приемлемый для населения данной местности.

6. В последнее время существование и функционирование русского языка на Украине вызывает обеспокоенность как в России, так и у всего русскоговорящего населения Украины.

7. В Крыму, где компактно проживают более 125 этносов, основным языком коммуникации является русский язык, 86,4% населения полуострова говорят и мыслят на русском языке [Крым после ратификации...].

8. С 1 января 2006 года вступила в силу ратифицированная Верховной Радой Украины 15 мая 2003 года Европейская хартия региональных языков или языков меньшинств. В пределах территории, на которой региональные языки используются, в соответствии с состоянием развития каждого

из таких языков и без вреда для преподавания официального языка государства, Украина приняла обязанности выполнения следующих пунктов документа:

- 8.1. Для детей из тех семей, которые этого хотят и количество которых считается для этого достаточным, предусмотреть возможность предоставления дошкольного образования на соответствующем региональном языке или языке меньшинств или предусмотреть возможность предоставления существенной части дошкольного образования на соответствующем региональном языке или языке меньшинств;
  - 8.2. Предусмотреть возможность предоставления начального образования на соответствующем региональном языке или языке меньшинств или предусмотреть возможность предоставления существенной части начального образования на соответствующем региональном языке или языке меньшинств или предусмотреть в рамках системы начального образования преподавание соответствующих региональных языков или языков меньшинств как составной части учебной программы;
  - 8.3. Предусмотреть возможность предоставления среднего образования на соответствующем региональном языке или языке меньшинств или предусмотреть возможность предоставления существенной части среднего образования на соответствующем региональном языке или языке меньшинств или предусмотреть в рамках системы среднего образования преподавание соответствующих региональных языков или языков меньшинств как составной части учебной программы;
  - 8.4. Если в связи с ролью государства в отношении высших учебных заведений невозможно предусмотреть предоставление университетского и другого высшего образования на региональных языках или языках меньшинств или же обеспечить изучение этих языков как отдельных дисциплин университетского или другого высшего образования, государство обязуется поощрять и / или разрешать предоставление университетского или других форм высшего образования на региональных языках или языках меньшинств или создание возможностей для изучения этих языков как отдельных дисциплин университетского или другого высшего образования [Европейская хартия... 2001].
9. В докладе будет представлен анализ современного состояния среднего и высшего русскоязычного образования и

основные проблемы изучения и функционирования русского языка в Крыму и г. Севастополе.

10. Русский является единственным из 10–12 ведущих мировых языков, который на протяжении последних 15 лет неуклонно утрачивал свои позиции во всех основных регионах мира, и в ближайшие 20 лет эта негативная тенденция сохранится, если не будут приняты соответствующие меры по эффективной поддержке русского языка и культуры внутри страны, в ближнем и дальнем зарубежье [Сколько людей...].

11. Россия должна поддерживать всех, кому небезразлична дальнейшая судьба русского языка, в деле сохранения его как языка межнационального общения путем учреждения грантов для преподавателей русского языка и русской литературы и студентов, изучающих русский язык, оказания помощи в пополнении фондов библиотек русскоязычными изданиями, организации библиотечного обмена и

доступа к фондам ведущих библиотек России через Интернет; усилении взаимодействия ведущих вузов России и Украины.

Литература

- Европейская хартия региональных языков или языков меньшинств. Проекты законов о языках – экспертный анализ: Материалы круглого стола / Науч. ред.: Н. А. Шульга. Фонд поддержки русской культуры в Украине (Русский фонд). 2-е изд., доп. К., 2001.
- Крым после ратификации российско-украинского договора. <http://www.moscow-crimea.ru/russia/analit/posleratifikscii.html>.
- Опрос: украинский язык считают родным 60% украинцев. <http://www.proua.com/news/2006/06/16/145348.html>.
- Сколько людей говорят и будут говорить по-русски? Электронная версия бюллетеня «Население и общество» Центра демографии и экологии человека Института народнохозяйственного прогнозирования РАН. <http://www.demoscope.ru/weekly/2006/0251/tema05.php>.

Противоборство языковой политики и языковой действительности в славянских стандартных языках

М. Вингендер

Гиссенский университет, Гиссенский центр «Восточная Европа» (Гиссен, Германия)

Языковая политика, языковая действительность, современные стандартные языки, сравнение языковых ситуаций

Аннотация. Независимые национальные государства, возникшие после смены политического строя в Восточной Европе, пытались реализовать свой суверенитет на языковой основе. Но новая ситуация в языковых сообществах порождает и ряд различных проблем. Вследствие политического перелома все языковые ситуации в славянских странах характеризуются в сфере языковой политики четкой тенденцией приспособлять языковую действительность к новым государственно-политическим условиям. В докладе речь пойдет о том, как это удается и насколько отчетливо выражено противоречие между языковой политикой, с одной стороны, и языковой действительностью, с другой стороны.

Современная языковая ситуация в славянских странах характеризуется противоборством языковой политики и языковой действительности. Независимые национальные государства, возникшие после смены политического строя в Восточной Европе, пытались реализовать свой суверенитет на языковой основе.

В этой связи отличительным признаком всех вновь создавшихся национальных государств в Восточной Европе является то, что объявление суверенитета начинается с декларации титульного языка как государственного. Но новая ситуация в языковых сообществах порождает и ряд различных проблем: из-за длившейся десятилетия «советской» языковой политики многие из новых национальных языков только частично в состоянии исполнять свою задачу или могут делать это, лишь сталкиваясь с целым рядом трудностей. Именно русский воспринимается как престижный язык – язык мировой литературы, многонационального государства с большим международным влиянием и богатой историей, как широко распространенный и развитый стандартный язык, как язык, преобладающий в системе высшего образования в странах СНГ и т. д. Вследствие политического перелома все языковые ситуации в славянских странах характеризуются в сфере языковой политики четкой тенденцией приспособлять языковую действительность к новым государственно-политическим условиям.

В докладе речь пойдет о том, как это удается и насколько отчетливо выражено противоречие между языковой политикой, с одной стороны, и языковой действительностью, с другой стороны. При этом в центре внимания находится форма существования «стандартный язык».

Сначала в докладе делается несколько вводных замечаний по поводу языковой политики, затем последует сравнение некоторых языковых ситуаций, связанных с русским языком, и в заключение будет затронута тема противоречия между языковой политикой и языковой действительностью.

В социолингвистике и языковой политике традиционно существует понятийная пара – «планирование языкового статуса» и «языкового корпуса». С течением времени эта понятийная пара расширилась до понятий «планирование языкового престижа» и «планирование обучения языку». Так как в рамках доклада не могут быть рассмотрены все аспекты, здесь исследуется противоречие между языковой

политикой и языковой действительностью с точки зрения языкового статуса и престижа, а точнее, речь пойдет о номинальном статусе рассматриваемых языков в сравнении с их действительным статусом.

Итак, следует различать две цели: осуществление в течение развития политических процессов задачи языковой политики и законодательных предписаний – приведение языковой действительности в соответствие с этими задачами.

Это можно проиллюстрировать следующим образом – с помощью трех типичных ситуаций современного русского языка:

- русский язык в автономной республике, находящейся в составе Российской Федерации, в которой государственными являются как русский, так и титульный язык республики: Татарстан;
- русский язык в республиках так называемого «ближнего зарубежья», в которых русский обладает статусом государственного языка: Белоруссия;
- русский язык в республиках ближнего зарубежья, которые с точки зрения языковой политики однозначно предпочитают собственный титульный язык: Казахстан.

В трех вышеуказанных языковых ситуациях речь идет о языковых сообществах с различными общественными, политическими и культурными предпосылками, но все же обладающих некоторым сходством, которое позволяет их сравнивать.

Критерии сравнения: этнический состав, статус русского и титульного языков по закону, языковая действительность, престижность языков, степень стандартизации и принципы языковой политики.

В основе этого сравнения языковая ситуация в трех республиках. Ситуация в сегодняшних государствах СНГ, учитывая их различные политические, культурные и религиозные предпосылки, представляет собой богатое и разностороннее поле для исследования взаимоотношения языковой политики и языковой действительности. Описание этого противоборства может раскрыть следующие аспекты:

- степень успешности мер языковой политики;
- способствующие и тормозящие факторы;
- закономерности процессов стандартизации;
- социолингвистические типологические портреты языков;
- стратегии в выработке оптимальной языковой политики.

Русский язык в социальной реальности Беларуси (к проблеме функционирования русского и белорусского языков на современном этапе)

Т. Н. Волинец

Белорусский государственный университет (Минск, Беларусь)

Белорусско-русское двуязычие (билингвизм), неравноправное (несимметричное) двуязычие, явление интерференции, белорусскоязычные вкрапления

Аннотация. В тезисах представлено реальное соотношение русского и белорусского языков, характерное для современного социума Беларуси.

В социально-политическом пространстве Беларуси сложилась весьма своеобразная языковая ситуация, которая в лингвистике традиционно определяется как двуязычие (или билингвизм). При условии параллельного равноправного развития и функционирования обоих языков двуязычие – явление весьма положительное: оно обогащает языковую картину мира билингва и расширяет репертуар его вербальных средств. Однако отношения равновесия между близкородственными языками в процессе исторического развития Беларуси были нарушены, в результате русский язык в белорусском обществе постепенно занял доминирующее положение во всех сферах общения. В настоящее время реально русский язык на территории республики используется активнее, чем белорусский. И в целом существующее в республике русско-белорусское двуязычие можно охарактеризовать следующим образом.

1. Оба языка имеют одинаковый статус в соответствии с законом «О языках». Закон «О языках» предусматривает строгий юридический паритет белорусского и русского языков в системе образования, однако после введения его в действие право гражданина выбирать язык общения в основном реализуется в пользу русского языка. Об этом прежде всего свидетельствует увеличение количества общеобразовательных учреждений с русским языком обучения. В стране, где 81,2% населения, согласно данным переписи, считают себя белорусами, русский язык в системе дошкольного, школьного и вузовского образования оказывается более востребованным в результате добровольного выбора подавляющего большинства граждан республики. По данным Министерства статистики и анализа Республики Беларусь уже в 2001 году число общеобразовательных учреждений с русским языком обучения увеличилось на 4,7%. В 2000–2001 учебном году в 4559 дневных общеобразовательных школах республики обучалось 1498,4 тысячи учащихся, из них на русском языке – около 75%. А в 2005–2006 учебном году в городах в школах с белорусским языком обучения получали образование 20,5% учащихся, с русским языком – 66,7%, в школах с двумя языками обучения – 12,7% [Статистический справочник... 2005: 49–50]. Эти данные фактически предопределяют реальную картину владения двумя языками в ближайшем будущем, поскольку, как справедливо считает Н. Б. Мечковская, «от степени внедрения русского языка в общеобразовательные школы зависит практическое владение языком завтрашним взрослым населением» [Мечковская 1992: 86].

2. Уровень пассивного и активного владения обоими языками у населения достаточно высок, однако в городах преимущественно используется русский язык, а в сельской местности – белорусский. Большинство городских жителей Беларуси – представители неравноправного двуязычия, при котором знание русского языка преобладает над знанием белорусского. Поскольку на практике баланс использования

русского и белорусского государственных языков не соблюдается, постольку русско-белорусское двуязычие приобретает черты несимметричного и функционально не уравновешенного процесса.

3. Явления интерференции наблюдаются как в белорусской, так и в русской речи жителей Беларуси; качественные характеристики интерференции, ее интенсивность определяются образованием, языковой средой, профессией и возрастом носителей языка. Произвольное смешение языков, которое с начала 90-х годов XX века стало называться «трасянкой» [Свяжынскі 1990: 5], характерно для русифицированного просторечия жителей Беларуси.

4. Сознательное переключение с одного языкового кода на другой встречается в разговорной речи и активно используется в публицистике. При употреблении в русскоязычном тексте равноуровневых элементов белорусского языка (от лексемы до микротекста) обычно актуализируется их прагматический компонент значения – «оценочная характеристика» и уже сам факт языкового переключения оказывается эмоционально окрашенным. Включение белорусского слова в русскоязычный текст позволяет: а) ситуационно оформить функционирование языка в социуме; б) охарактеризовать объект речи и выразить свою авторскую оценку; в) расширить семантическое пространство высказывания и актуализировать затекстовую информацию; г) максимально приблизить содержание текста к читателю, подчеркнув принадлежность той или иной реалии к белорусскому социо- или этнокультурному пространству (подробнее см. об этом [Волинец 1998]).

Происходит ли при этом постепенное проникновение элементов белорусского языка в русский? Можно ли в данном случае говорить о начинающемся процессе формирования национального (белорусского) варианта русского языка? На наш взгляд, подобные выводы несколько преждевременны. Интеграционные процессы в среде постоянно контактирующих языков неизбежны, однако осознанное использование белорусских элементов при порождении текста на русском языке – это скорее семантико-стилистический прием, позволяющий использовать ресурсы обоих языков и актуализировать в сознании адресата речи социально значимые и актуальные для него явления и понятия.

Литература

- Статистический справочник Министерства образования Республики Беларусь. Минск, 2005.
 Мечковская Н. Б. Статус и функции русского языка в последних советских законах о языке // *Russian Linguistics*. 1992. 16.
 Свяжынскі Ул. 3 гісторыі беларускай «трасянки» // *Наша слова*. 1990. № 2.
 Волинец Т. Социальная реальность и функционирование языков (к проблеме белорусскоязычных вкраплений в русскоязычном газетном тексте) // *Избранные аспекты изучения русского языка и литературы* / Под ред. А. Маркунаса. Познань, 1998. С. 37–43.

Языковая политика Словакии – теория и практика

З. Гадушова, Э. Мала

Университет имени Константина Философа в Нитре (Нитра, Словакия)

Языковая политика, формальное и неформальное обучение иностранным языкам, изменения

Аннотация. Авторы в докладе дают обзор языковой политики в Словакии в начале XXI века и рассматривают вопросы, связанные с формальным и неформальным обучением иностранным языкам.

Языковая политика нынешнего правительства находит свое отражение в нескольких областях. Эта политика касается прежде всего обучения иностранным языкам в формальной (школьной) и неформальной (внешкольной) обстановке. Кроме того, она касается и подготовки учителей иностранных языков, а также внедрения новых педагогических документов в систему образования и издания учебников. Не

в последнюю очередь необходимо отметить, что изменились также требования рынка труда к владению персоналом иностранными языками.

Что касается изучения иностранных языков в школе, можно сказать, что их преподают во всех типах школ, начиная с дошкольного образования и заканчивая обучением в университетах. Конечно, это обучение базируется на разных

основах. В учреждениях дошкольного и младшего школьного образования иностранные языки преподают на добровольной основе, хотя с сентября 2008 года обязательное преподавание первого иностранного языка для всех школьников было введено с 3-го класса основной школы, а второго иностранного языка с 5-го класса. Таким образом, Словакия стремится выполнить требование политики Евросоюза к владению двумя иностранными языками для всех выпускников общеобразовательных школ.

В системе школьного обучения иностранным языкам ученикам предлагается выбор из пяти языков: английский, немецкий, французский, русский, испанский и итальянский. Из предлагаемых шести языков чаще всего учащиеся выбирают английский и немецкий (количество учащихся, выбирающих эти языки в основной школе, находится в соотношении 3 : 2, в средних школах 2 : 1). Намного меньше обучаются французскому и русскому языкам, однако интересным является факт, что в основных школах масштаб обучения русскому языку в три раза превышает масштаб обучения французскому языку, в то время как в средних школах масштаб обучения французскому языку, в свою очередь, в шесть раз превышает масштаб обучения русскому языку [Butašová 2006: 32–33].

Также следует отметить, что в районах со смешанным населением неотъемлемой составной частью системы образования являются школы с преподаванием на венгерском (297 основных и 123 средние школы), украинском (8 основных и 2 средние школы) и немецком языках (2 основные и 1 средняя школа). Эта политика отражает намерение Евросоюза содействовать обучению менее используемых и изучаемых языков. В последнее время особенно в областях, где проживает цыганское население, в первом и втором классах было введено преподавание на цыганском языке, причем немалую роль здесь играют ассистенты учителей, которые обычно говорят на цыганском языке как родном и помогают учителям при подготовке учеников.

За последние 10 лет преподавание иностранных языков подверглось значительным изменениям, касающимся не

только количества аудиторных часов, но также изменения педагогических документов. Министерство образования разработало и с 1 сентября 2002 года внесло Образовательный стандарт преподавания английского, немецкого, французского и русского языков (№ 869 / 2002–42). Вторым документом является Каталог целевых требований, в котором определены умения выпускников средних школ и требования к ним. Оба эти документа были разработаны в соответствии с Общеευропейскими компетенциями владения иностранным языком [The Common European Framework...]. На основании этих документов был введен обязательный экзамен на аттестат зрелости по первому из иностранных языков (по выбору учащихся) на уровне B1 или B2.

Неформальное образование по иностранным языкам за последние годы значительно возросло и стало общественно более важным. В рамках непрерывного (пожизненного) образования оно помогает при реквалификации граждан, приобретении новых умений, знакомстве с новыми технологиями и т. п. Граждане имеют к нему свободный доступ вне зависимости от специальности полученного образования. Выбор специальности осуществляется на основе профессиональных потребностей и интересов. Обучение финансируется из собственных средств участников, профсоюзных средств или из средств отделов занятости населения. Финансы на некоторые виды неформального образования выделяет государство посредством грантов или финансовой поддержки с целью понизить уровень безработицы и повысить флексибельность рабочей силы, что соответствует актуальным требованиям рынка труда. Неформальные образовательные учреждения являются, как правило, общественно-правовыми организациями на основе самоуправления, общественными организациями или некоммерческими частными организациями.

Литература

- Butašová A. a kol. Jazyková politika v Slovenskej republike – 2004 – jej východiská a smerovanie. Bratislava, 2006.
The Common European Framework of Reference for Languages: learning, teaching, assessment. 2002.

«Язык здесь пестрый»: лингвокультурологические и социолингвистические проблемы взаимодействия славянских языков на юге Украины

И. В. Грибанова

Южнославянский институт Киевского славистического университета (Николаев, Украина)

Языковая ситуация, языковая политика, билингвизм, интерференция, языковая дискриминация

Аннотация. В докладе прослеживается связь между современной языковой ситуацией на юге Украины на примере г. Николаева и историческими основами взаимовлияния русского и украинского языков в Новороссии. Острота постановки языкового вопроса на Украине сегодня связана с языковой политикой государственной власти, направленной на дерусификацию востока и юга Украины, что приводит к деструктивным процессам в обществе, к разрыву культурной преемственности поколений, к культурной изоляции.

Рассматривая важнейшие особенности функционирования русского языка в южных регионах Украины на примере г. Николаева, а также вопросы культурной и языковой интерференции родственных славянских языков, не можем не обратиться к описанию языковой ситуации в Новороссии в XIX в., данному В. И. Далем. Знаменитый составитель «Толкового словаря живого великорусского языка» прожил в г. Николаеве (бывшая Херсонская губерния Новороссии) в общей сложности более 11 лет. Даль так характеризует этнический состав территорий, присоединенных к России в конце XVIII в.: «С тех пор, как степь от Днестра до Дона, служившая поприщем для попеременных набегов крымцев, кубанцев, турок и запорожцев, окончательно подчинена России, она заселилась наполовину малороссами, а наполовину набродом из Великой Руси». Кроме этих двух этнических составляющих, были и другие: «Местами здесь селились болгары, сербы, волохи, даже венгры и поляки, немцы, греки, армяне, и все это население добрено еще жидами». Любопытно следующее замечание Даля об обрусении многочисленных этнических групп: «Иноплеменцы здесь обмоскалились» [Даль 1978: LXXIII].

Определяя особенность взаимодействия украинского и русского языков при формировании «новороссийского на-

речья», Даль писал следующее: «Как в Сибири господствует низкий говор первых поселенцев, а в Астрахани высокий, так в Новороссии на говор даже высшего сословия наложил неизгладимую печать свою язык малорусский; но общая наклонность и желанье – редко удачно – говорить по-московски» [Даль 1978: LXXIII]. Даль достаточно подробно характеризовал фонетические и грамматические приметы «новороссийского наречия». Например, таковы его замечания, касающиеся произношения: «Язык там вообще пестрый, шаткий и нечистый; полурусское, жесткое произношение украинских слов неприятно: вместо мягкого, детского звука между *ы*, *и* беспрестанно слышите дебелое *ы*, и вообще оба звука эти мешаются. Ударенья крайне изменчивы и шатки: глыбоко, таможенъный, деньга́ми, он звони́т и пр.... стараясь удалиться от ударенья украинского, каждый ставит его почти наугад, где ему кажется звучнее...» [Даль 1978: LXXIII–LXXIV].

Новороссия, однако, утвердилась как русскоязычная территория на все последующее время. При этом взаимопроникновение культур и языков происходило на протяжении веков. При стратификационном разнообразии русского языка, функционирующего в различных коммуникативных сферах, исторически сложившийся региональный вариант

разговорной русской речи и до настоящего времени исключительно распространен как в целом на юге Украины, так и в Николаеве.

Этническая пестрота Новороссии не стерлась со временем. С середины XIX в. в результате массовых переселений болгар из Болгарии во времена османского гнета в Новороссию возникли обширные болгарские поселения. Николаев не составляет исключения. Микрорайон г. Николаева Терновка заселен потомками болгар-переселенцев преимущественно из юго-западных областей Болгарии. Миграционные процессы последующего времени также не могли не отразиться на современном этническом составе этих территорий. В целом Николаевская область сегодня является одним из наиболее многонациональных регионов Украины, в котором проживают представители 133 национальностей. 25 июля 1992 г. был принят Закон «О национальных меньшинствах в Украине», в котором за гражданами закреплена «право на использование родного языка, обучения на родном языке в государственных учебных заведениях, создание национальных средств массовой информации, образовательных и культурных учреждений и т. п.». Статья 24 Конституции Украины запрещает какие-либо привилегии или, напротив, ограничения прав человека по расовой, этнической или языковой принадлежности». Однако сегодня власти Украины отдают приоритет только тем, кто «думает по-украински об украинской Украине». За последние 16 лет было принято более 70 законов, направленных в той или иной мере на ограничение или исключение из обращения русского языка. Коллегия Министерства образования и науки Украины приняла решение (№3 / 1–4 от 21.03.2008) об обязательном переводе преподавания во всех вузах Украины исключительно на украинский язык. Министр образования и науки Украины И. Вакарчук пообещал ликвидировать русский язык в вузах в течение ближайших трех лет.

Проведенные нами в вузах г. Николаева социолингвистические исследования показали сохраняющийся очень высо-

кий процент респондентов (более 87%), считающих родным языком русский. В Южнославянском институте студенты, считающие родным языком русский, независимо от национальной принадлежности (украинцы, русские, евреи, болгары, поляки и др.), составляют 93%. Но права на получение среднего образования на родном языке в большинстве своем эти люди были лишены. Более 80% из них закончили школы с украинским языком обучения. В соответствии с современной доктриной Министерства образования и науки Украины русскоязычные граждане также не имеют права обучаться в вузах на родном языке.

В связи с проводящейся языковой политикой дискриминации резко нарушаются гармоничные отношения русского и украинского языков как в сфере образования, так и в других сферах (массовой коммуникации, например, и др.). Русское культурное пространство в пределах Украины целенаправленно сужается. Намечается и разрыв культурной преемственности между поколениями. Разрушается общая когнитивная база лингвокультурного социума. Изменение школьных программ, устранение русской литературы и русского языка из школьного обучения, изменения программы и содержания курса истории – только часть причин культурных потерь за годы «незалежной» Украины. Сам украинско-русский билингвизм переживает трансформации. Стремительно происходит маргинализация русского языкового пространства юга Украины. Сохранится ли в связи с этим культурно-языковая общность с русской составляющей на юге Украины? Или грядет культурная изоляция? Важнейшая задача сегодняшнего времени на Украине – остановить деструктивные процессы в обществе, отстаивать права граждан Украины, закрепленные Конституцией.

Литература

Даль В. И. О наречиях русского языка // Толковый словарь живого великорусского языка. Т. 1. М., 1978.

Социолингвистическая ситуация на Украине

В. В. Дубичинский

Национальный технический университет «Харьковский политехнический институт» (Харьков, Украина)

Социолингвистическая ситуация, двуязычие, русский язык, украинский язык

Annotation. The sociolinguistic situation in Ukraine. The sociolinguistic situation in Ukraine is characterized today informal (legally not fixed) by Russian-Ukrainian bilingualism which, in turn, is under the big influence of «surzhyk». The author offers compromise system of overcoming of language uncertainty in the country: introduction in Ukraine of institutes of regional languages and languages of interethnic dialogue.

Сложившаяся на Украине ситуация этнического двуязычия часто рассматривается в правовом аспекте, что с научной точки зрения недопустимо и требует особого исследования. Юридически Украина – одноязычное государство.

Хочется рассмотреть, по меньшей мере, **четыре варианта развития социолингвистической ситуации** в стране:

- 1) во всех сферах жизни на всей территории Украины будет властвовать украинский литературный язык;
- 2) юридическое закрепление и господство украинского территориального варианта русского литературного языка;
- 3) стихийно победит (олитературуется) суржик – украинско-русская просторечная смесь;
- 4) на Украине будут провозглашены два государственных языка – украинский и русский.

Мне кажется, что при условии юридически установленного украинско-русского двуязычия, как это предлагается некоторыми учеными и политиками, русский язык как наиболее крепкий (исключительно в смысле оснащенности справочной, учебной литературой, в смысле развитой инфраструктуры функционирования и т. п.) фактически поглотит своего соседа. Совместное использование языков предполагает неопределенность сфер и задач их функционирования. Объективно в настоящее время Украина живет в условиях фактического (не юридического) двуязычия.

Виртуально можно представить себе, как через всю страну сейчас проходит невидимая нить-граница, которая разделяет ее на две части: восточную, где господствует исполь-

зование русского языка (немалая часть населения восточной части пассивно владеет украинским языком), и западную, где полноправно во всех сферах функционирует украинский язык (большая часть населения западной части Украины в полной мере владеет русским языком).

Проанализировав рассмотренные четыре варианта развития языковой ситуации, каждый исследователь может прийти к выводу о том, что ни один из возможных путей языкового будущего не может удовлетворить Украину.

Поэтому, мне кажется, в настоящее время назрела необходимость разработки **специальной научно обоснованной программы решения социолингвистических проблем на Украине** на современном этапе:

1. Вместе с признанием статуса украинского языка как единого государственного языка Украины ввести в стране социальный институт региональных языков: население каждой территории компактного проживания национальных меньшинств на референдуме избирает свой язык функционирования в границах данного региона.

2. Кроме того, в современных условиях, если русский язык *de jure* и *de facto* используется в общении между народами бывшего Советского Союза, мне кажется целесообразным предоставить русскому языку на Украине (как, впрочем, и в других странах бывшего СССР, но это уже компетенция соответствующих государств) официальный статус языка межнационального общения.

На мой взгляд, предлагаемые компромиссные мероприятия, при юридическом господстве украинского языка, уста-

новят определенное социолингвистическое (в том числе и политическое) равновесие, не задевая прав ни одного из языков народов Украины.

Таким образом: украинский язык обладает статусом государственного, а в некоторых регионах и регионального, а русский язык – статусом регионального языка (в некоторых регионах страны) и языка межнационального общения.

Динамика современного русского языка и эволюция лингвистики

Л. К. Жаналина

Казахский национальный педагогический университет (Алматы, Казахстан)

Язык, речь, новообразования, интегративная лингвистика

Аннотация. Новообразования как результат лингвокреативной активности человека, использующие ресурсы языковой системы и организуемые номинативным потенциалом языка, представляют объект интегративной лингвистики, складывающийся из языковой системы-1 в виде грамматики номинации, номинативной деятельности и системы номинативных парадигм.

В настоящее время получило распространение представление современного языкознания как парадигмы, развертываемой ходом исследования разных аспектов естественного языка и попытками представить его в неразрывном единстве с человеком, в первую очередь с его когнитивной деятельностью.

Наряду с логикой познания, отражаемой действием разных научных методов, подходов, принципов, разработкой различных направлений, мощным фактором эволюции лингвистики является развитие самих языков. Причем, активные языковые изменения, происходящие в переломные периоды истории общества, могут приоткрыть некоторые тайны языка и позволить по-новому взглянуть на него. И это новое знание или существенно дополняет языкознание, или даже способно модифицировать его структуру. Подобная сила влияния на науку присуща языку как объекту благодаря его уникальности, обусловленной присутствием в нем множества субъектов (носителя языка, представителя культуры, социума, этноса, участника процессов внутри- и межкультурного диалога, с одной стороны, и исследователя – с другой). Одна из ярких примет русского языка современности – высокая активность реализации им номинативной и оценочной функций и продуктивность, частотность его пополнения новообразованиями, которые отличает функциональный синкретизм. Наряду с однофункциональными номинативными (1) и оценочными (2) языковыми единицами возникает значительное количество синкретичных наименований, выполняющих одновременно номинативную и аксиологическую функции. Ср.: (1) *нанореволюция* – (2) *журналюк* – (3) *крутой* «лишенный чувства страха, жалости и / или не считающийся с нормами, установками общества, какой-то ее группы».

Настоящий «бум» новообразований от значений, слов, фразеологизмов до текстов делает почти осязаемыми живые процессы речевой деятельности, сводя в синхронии вместе средства языковой системы, языковую динамику порождения и развития и языковой материал, с квалификацией которых как объектов лингвистики связано решение проблемы языка и речи.

Основные дискуссии вокруг нее сводятся к двум решениям. Согласно первому язык и речь разводятся и противопоставляются друг другу, согласно второму объединяются в единое целое. Конкуренция данных взглядов с перевесом то в одну, то в другую стороны определяет этапы развития лингвистики.

Предложенное Ф. де Соссюром разграничение «лингвистики языка» и «лингвистики речи» обусловило распространение в русистике первой половины прошлого столетия идей «лингвистики языка» - понимания русского языка как системы и доминирование системно-структурного подхода. Но данный акцент в представлении языка не вытеснил речи из науки полностью. Выдвижение языка в отвлечение его от речи на роль единственного объекта лингвистики ослаблялось противодействием мнения о неразрывном единстве языка и речи, а также отождествлением соответствующих понятий [Жинкин 1988: 8, 12, 88]. Подобная полурешенность проблемы с удерживанием обеих ее решений сохра-

Это станет необходимым стимулом для изучения как украинского, так и русского языков в учебных заведениях и приведет к желательному фактическому (не официальному) двуязычию (а в идеале трех-, четырехязычию) населения нашей страны, что в конце концов может сработать и на повышение качества интеллектуальной ауры народа Украины в целом.

няется и на этапе утверждения функциональной лингвистики, которая пытается восстановить единство языка-речи за счет обращения к речи как объекту науки [Общее языкознание... 1970: 197–325]. Причиной продолжающихся дискуссий по рассматриваемой проблеме является противоречие, заложенное в нее с самого начала Ф. де Соссюром. В его формулировках проблема выводится на два уровня – онтологический (уровень языка как реальности, объекта) и гносеологический (уровень языка как предмета познания). Онтология диктует ученому объединение понятий языка и речи в речевой деятельности, а познание, предполагающее анализ, требует расчленения объекта и выделения его стороны / сторон – предмета / предметов [Соссюр 1977: 47, 52].

В дальнейшем намеченная Ф. де Соссюром дифференциация онтологического и гносеологического подходов к проблеме соотношения языка и речи была утрачена, вследствие растворения методологии в языковой реальности, и породила продолжающееся до сих пор «раскачивание весов» от языка как предмета к языку как объекту. Накопление данных о разных сторонах языка подготовило возможность приближения к постижению языковой действительности, т. е. распространение в современной лингвистике его целостного понимания в единстве системы и функционирования.

Объединение разных сторон языка, восстановление его целостности придает ему статус онтологичности, который нуждается в новых подходах. Адекватностью строению сложного объекта обладает интегративный подход, приближающий к нему науку. Новый объект и новое его описание-объяснение требуют разработки нового раздела в языкознании – интегративной лингвистики.

Ее преемственная связь с предшествующим ходом развития науки проявляется в направленности на восстановление целостности языка из методологически (гносеологически) расчлененных его сторон, что согласуется с последовательной разработкой в лингвистике идеи единства языка-речи. Сама формулировка данной идеи кажется нелогичной, так как утверждаемое в ней единство вступает в противоречие с указанием на расчлененность, на наличие разных, значит, отдельных компонентов. Поэтому требуется ее уточнение. Языку как реальности целостен, а язык как объект познания расчленяется на язык и речь (анализ).

Единство языка-речи обеспечивает его носитель, присутствующий во всех проявлениях языка: 1) как виртуального образования – языковой системы, хранимой в памяти носителя языка; 2) как языковой способности, реализуемой в речевой деятельности с использованием языковой системы; 3) как продукта речевой деятельности, на основе которого человек систематизирует знания о языке и знания о мире.

Разрабатываемая нами интегративная модель охватывает все три основных аспекта языка (синтез), для каждого из которых предлагаются адекватные подходы и методы исследования, а также общий интегративный метод, позволяющий состыковать разные стороны языка, чтобы создать целостную картину языка в единстве его системы и функционирования. Язык как объект интегративной лингвистики онтологичен, так как она устремлена к постижению языковой реальности.

Литература

Жинкин Н. И. Язык и речь. Творчество (Избранные труды). М., 1988.

Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка. М., 1970.

Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики // Труды по языкознанию. М., 1977.

Славяне в мире будущего: языковая ситуация полтора столетия после национального возрождения

Л. Матейко

Университет им. Коменского (Братислава, Словакия)

Социолингвистика, языковая ситуация

Аннотация. Тезисы доклада затрагивают вопросы современных тенденций в развитии языковой ситуации в славянских странах. Нынешнее состояние объясняется как результат длительных дифференциационных процессов в ареале Средней, Юго-Восточной и Восточной Европы, которые нашли политическое выражение в образовании 12 славяноязычных государств.

1. Анализ языковой ситуации в славянском ареале после национального возрождения предоставляет возможность рассмотреть широкую шкалу процессов, в которых выступают одни и те же славянские языки в разных – иногда даже противоположных – ролях. Всех славянских языков касаются вопросы глобализации, с которой, наверное, связаны и изменения в положении литературных языков, в том числе, например, и то, что вопреки общедоступному образованию на родном языке можно наблюдать тенденции к редуцированию функций и сферы употребления литературных языков. В истории многих славянских литературных языков можно найти примеры замены роли языка национального меньшинства ролью государственного языка. Не один из славянских языков находился в свое время на грани исчезновения, но эту угрозу его носителям удалось преодолеть. Один из интереснейших в этом отношении примеров за последние годы – кашубский язык. Есть, однако, и процессы обратные. К ним можно отнести языковую ситуацию в Республике Беларусь, где белорусский язык, будучи официальным языком национального государства, классифицируется в ЮНЕСКО как язык нестабильный (*potentially endangered*). Не меньший интерес вызывает развитие языковой ситуации в тех субъектах РФ, где русскоязычное население выступает в роли меньшинства. Интересен также вопрос, затрагивающий всех носителей русского языка: как справится с призывами глобализации язык, являющийся целые десятилетия «экспортером», но ведущий себя после падения СССР как чистый «импортер».

2. С точки зрения первоначальной языковой близости славян характеризует современную ситуацию победа дезинтеграционной тенденции, которая приобрела политический размер в языковых и национальных движениях XVIII–XIX вв. Вместе с постепенным усилением дезинтеграционных амбиций на протяжении более чем двух столетий динамически изменяется и понятие славянской идеи как представления о единстве славян. Притом нельзя не заметить, что именно аспект языковой близости становится в нем со временем все слабее.

Пример языковой эмансипации словаков в рамках национального возрождения показывает, что интеграционалистический концепт единой славянской национальной общности, который господствовал в начале XIX в. (Я. Коллар), уступил в 30-х и 40-х гг. новой национальной идеологии, которая в свою очередь коренным образом повлияла на языковую ситуацию. Ключевую роль сыграли в этом отношении усилия Л. Штура в области стандартизации литературного языка словаков. С другой стороны, следует отметить, что тот же Л. Штур в своей работе «Славянство и мир будущего» [работа, написанная по-немецки, вышла только после смерти автора; в русском переводе в журнале «Чтения в Обществе истории и древностей Российских» (кн. 1); в книжном виде русскоязычная версия опубликована под названием «Славянство и мир будущего. Послание Славянам с берегов Дуная Людевига Штура». СПб., 1909; оригинальный немецкий текст издан с критическим аппаратом Й. Ирасеком в журнале «Братислава» в 1932 г.], фактически отступая с позиций словацкого национализма, приглашает к единению всех славян под политической гегемонией Рос-

сийской империи и предлагает принять русский язык как общий литературный язык. Такая противоречивость, правда, имеет простое объяснение: работа написана после 1851 г. и отражает конкретную историческую обстановку, которую в определенных аспектах вряд ли мог вождь словацкого национального движения понимать иначе, чем крушение сна о будущем отдельных славянских «племен». Благодаря этому идея славянского единения в условиях зарождающегося национализма и партикуляризма получила новый толчок и мысли Штура вызвали активный отзыв среди русских теоретиков панславизма (Ламанский, Данилевский, Будилович и др.)

3. На протяжении всего XX в. прослеживается сосуществование национального (т. е. с точки зрения первоначальной языковой близости славян дезинтеграционалистического) и «славянского» (интеграционалистического) концептов. С точки зрения продолжительности влияния роль интеграционалистического концепта кажется более заметной. Этот концепт сказался в формировании новых мультинациональных славянских государств после Первой мировой войны, и без него трудно объяснить языковую ситуацию и языковую политику в этих государствах. Правда, в то же время следует сказать, что «интеграционализм» имел свои ограничения. Языковая и генетическая близость представляли важный элемент государственной идеи Чехословакии, Югославии и СССР, и этому, как правило, подчинялась и культурная и языковая политика. В каждой из этих держав один славянский язык занимал более авторитетное место в жизни общества, а другие славянские языки играли второстепенную роль. Такое обобщение применимо к ситуации между мировыми войнами и к ситуации после Второй мировой войны, вплоть до конца 1980-х – начала 1990-х гг., правда, надо отметить, что в определенных фазах и в разных странах конкретная обстановка иногда заметно отличалась. Знаменательно также, что упомянутые государственные объединения в какой-то степени копировали определенный уровень дифференциации славянства на языковые подгруппы: западную, южную и восточную. Таким образом, с точки зрения языковой ситуации эти объединения поддерживали конвергентные тенденции в развитии славянских языков внутри подгрупп, но в то же время способствовали дивергентному развитию на «всеславянском» уровне. Хотя русский язык продолжает выступать и XX в. в роли языка-экспортера, заметно, что поведение носителей языков-импортеров становится более суверенным, и, таким образом, в сопоставлении с ситуацией столетней давности обстоятельства представляются более благоприятными для дезинтеграции на уровне языковых подгрупп.

4. С распадом мультинациональных славянских держав связана волна радикальных перемен, которые существенно коснулись и языковой ситуации в Средней, Юго-Восточной и Восточной Европе. Нынешнюю обстановку можно воспринимать как политическое выражение длительных дезинтеграционных процессов внутри некогда единого славянства. Языковая ситуация ставшего реальностью славянского «мира будущего» показывает, что в сопоставлении с языковой ситуацией второй половины XIX в. картина стала намного сложнее, в ней появились новые, раньше совсем отсутствующие аспекты и пласты.

О некоторых установочных положениях и проблематике коллективного труда «Актуальные этноязыковые и этнокультурные проблемы современности»

Г. П. Нешименко

Институт славяноведения РАН (Москва, Россия)

Социолингвистика, языковая ситуация, этнос, язык, культура

Аннотация. Данный труд, посвященный рассмотрению актуальных этноязыковых и этнокультурных проблем современности, является очередным этапом выполнения многолетней международной междисциплинарной программы. Исследование проводится авторским коллективом ученых из России, Чехии, Белоруссии, Украины, Приднестровья, Эстонии, Словакии, Польши, Германии, Австрии, Сербии, Хорватии. Написание монографии предусматривается Договором о научном сотрудничестве между Институтом славяноведения РАН и Институтом чешского языка Чешской АН, а также исследовательским планом Научного Совета РАН «История мировой культуры».

Проект «Актуальные этноязыковые и этнокультурные проблемы современности» является пятым этапом реализации международной целевой программы. Ему предшествуют четыре коллективные монографии, вызвавшие большой резонанс в научном мире: «Язык – Культура – Этнос» (1994), «Язык как средство трансляции культуры» (2000), «Встречи этнических культур в зеркале языка» (2002), двухтомная монография «Глобализация – этнизация: этнокультурные и этноязыковые процессы» (2006). Данные труды логически, теоретически и методологически тесно взаимосвязаны друг с другом. Они основываются на комплексном, междисциплинарном, сопоставительном подходе к изучению приоритетных проблем из области социолингвистики, этнолингвистики, культурологии, лингвокультурологии. Целесообразность создания данного труда обусловлена, помимо прочего, тем, что в ходе проводимых исследований, особенно при работе над монографией «Глобализация – этнизация», наметился целый блок важных теоретико-методологических проблем, а также практических задач, нуждающихся в дальнейшей разработке.

К числу характерных особенностей развития современной культурно-языковой ситуации (как внутриэтнической, так и межэтнической) относится ее ярко выраженная *динамичность*, с одной стороны, и несомненная *противоречивость*, с другой. Так, в частности, новую масштабность и динамичность приобрели *интеграционные* процессы, *качественное* содержание которых существенно изменилось: выйдя за рамки конкретного региона, они стали приобретать *глобальный, транснациональный, надгосударственный* характер. Вместе с тем мощным тенденциям глобализации, сопровождающимся этнокультурной и этноязыковой интеграцией (а, значит, неизбежно и постепенной унификацией, сглаживанием этнического своеобразия), противостоят процессы *дезинтеграционные*, т. е. этнокультурной и этноязыковой дифференциации, этнизации, суверенизации, граничащие порой с сепаратизмом. Это выдвигает в число важных задач научное осмысление специфики этноязыкового и этнокультурного развития славянских социумов, а также выработку конкретных рекомендаций по укреплению взаимодействия между славянскими этносами, предотвращению межъязыковых и межкультурных конфликтов, установлению приоритетов культурно-языковой политики. Вызывает тревогу стремительное снижение международного статуса славянских языков, в том числе и русского, сужение у некоторых из них коммуникативного спектра за счет утраты ряда репрезентативных функций, ограничение диапазона отечественной терминологической номенклатуры и т. п. Особую остроту приобретает проблема сохранения этнической самоидентификации, этнокультурного и этноязыкового своеобразия, историко-культурных и языковых ценностей. Принципиально важно установить, обусловлены ли эти проявления естественным развитием культурно-языкового пространства, его внутренними, системными закономерностями, либо они являются результатом целенаправленного воздействия внешних, например политико-экономических, факторов. Форсированное, несбалансированное стимулирование этих тенденций может вести к серьезным, зачастую непоправимым последствиям, к разрушению богатейшего этнокультурного и этноязыкового фонда.

Несмотря на преимущественную *синхронную* направленность данного труда, в нем, как и в предыдущих монографиях, представлен *диахронный* подход. Это обусловлено необходимостью рассмотрения исторических прецедентов решения некоторых проблем, актуальных для настоящего времени.

Ниже предлагается ориентировочная проблематика будущего труда.

I. Методологические проблемы изучения этноязыковой и этнокультурной ситуации

A. Общие и специфические процессы в развитии этнической языковой ситуации славянских этносов на современном этапе. Состояние, тенденции развития языковой ситуации на фоне процессов интеграции и дифференциации.

A. 1. Внутриэтническая языковая ситуация

- Тенденции развития и динамика нормы литературного языка на современном этапе (влияние разговорного узуса, языка СМИ).
- Возникновение и кодификация новых литературных славянских языков (смена опорного диалекта; пуристические тенденции и их активизация на современном этапе; учет культурно-языковой традиции при нормировании литературного языка).
- Перспективы формирования единого общеэтнического разговорного идиома и основа его конституирования (интеграционные процессы в обиходно-разговорном узусе).
- Степень сохранности этнического диалектного фундамента в современных славянских языках.

A. 2. Специфика языковой ситуации в полиэтничном социуме, включая надрегиональные государственные образования

- Функциональное распределение языков в языковом пространстве интегрированных социумов.
- Широта функционального спектра «старых» и новых литературных языков, в том числе наличие у них репрезентативных функций.
- Языковое обеспечение «высших коммуникативных функций» и «непринужденного повседневного общения».

B. Проблематика межъязыкового и межкультурного взаимодействия

- Проблема межъязыковой и межкультурной интерференции.
- Проблема сохранения этноязыковой и этнокультурной идентичности.
- Язык и культура в специфической этнокультурной ситуации в контексте интеграционных процессов (сохранность языков и культур этносов, находящихся в иноязычном окружении, – «островные» языки, «малые» языки).
- Языковая политика, ее цели и реализация.
- Культурно-языковая конфликтология. Пути предупреждения, решения (смягчения) этноязыковых и этнокультурных конфликтов.
- Проблематика билингвизма (полиязычия):
  - а) в приграничных регионах;
  - б) в этноязыковых и этнокультурных диаспорах;
  - в) в дисперсных меньшинствах.
- Проблема сохранения этнокультурного и этноязыкового фонда у славян.
- Славянские микроязыки, перспективы их дальнейшего развития.
- Интеграционные процессы и проблема сохранения культурно-языковой идентичности.
- Усиление миграционных процессов и их влияние на межъязыковые и межкультурные контакты (типологически родственных и не родственных языков и культур). Последствия этого для сохранения этнокультурного своеобразия, а также языковой аутентичности.
- Интегрирование славянских этносов в состав глобальных надрегиональных и надгосударственных сообществ

и последствия этого процесса для их культурно-языкового развития и равноправного существования.

II. Опыт создания общеславянского литературного (культурного) языка, а также региональных культурных языков межэтнического общения. Успехи, неудачи, перспективы

- Роль старославянского языка как первого общеславянского культурного языка.
- Попытки создания региональных славянских культурных языков:
  - Ю. Крижанич и его Грамматика;
  - иллиризм, Л. Гай;
  - концепция деятелей чешского Возрождения;
  - интеграционная роль церковнославянского языка в прошлом и настоящем
  - современные попытки создания языка славянского межэтнического общения, в том числе в Интернете.

Современная языковая ситуация и языковая политика в Словакии

С. Ондреевич

Институт языкознания им. Л. Штура, Словацкая Академия Наук (Братислава, Словакия)

Языковая ситуация, языковая политика, закон о государственном языке, кодификация языка, мажоритарные и миноритарные языки

Аннотация. Словакия по некоторым данным относится к самым гетерогенным государствам по этническому составу населения. По последней переписи населения (2001 г.) в Словакии кроме словацкой нации – большинства (85,8% – 4 614 854 жителей) – живет самое большое национальное меньшинство венгров (9,7% жителей), потом ромское меньшинство – цыганы (1,7%) и чешское (0,8%) меньшинство. Остальные национальные меньшинства, проживающие на территории Словакии, не достигают однопроцентного рубежа популяции: меньшинство русинов (0,4%), украинцев (0,2%), немцев (0,1%). Официальный статус национального меньшинства имеют также следующие миноритарные нации: поляки, моравяне, хорваты, болгары, евреи.

15-го ноября 1995 г. был принят закон Национального Совета Словацкой Республики о государственном языке Словацкой республики, в соответствии с которым государственный язык получает преимущество перед остальными языками, употребляемыми на территории Словацкой Республики. Государство обязывается:

а) создать в учебной, научной и информационной системах такие условия, чтобы у каждого гражданина Словацкой Республики была возможность усваивать государственный язык и пользоваться им устно и письменно;

б) заботиться о научном исследовании государственного языка, его исторического развития, об исследовании территориальных и социальных говоров, о кодификации государственного языка, о повышении языковой культуры.

Кодифицированную форму (литературного) языка провозглашает Министерство культуры Словацкой Республики на основе предложений научных работников в области лингвистики (из Словацкой Академии Наук, университетов и институтов).

Закон точно определяет, что любая правка кодифицированной формы государственного (литературного) языка, не соответствующая его закономерностям, является недопустимой. Но эта формулировка представляется довольно неопределенной. В первоначальном тексте закона за его соблюдением был назначен присмотр. Его обеспечивало Министерство культуры Словацкой Республики посредством коллектива «консультантов, экспертов». Также были введены штрафы за его нарушение. Это постановление было устарело внесением дополнений в связи с принятием закона о пользовании языками национальных меньшинств. В наши дни Министерство культуры Словацкой Республики готовится вернуться к предыдущему положению – ввести опять штрафование. Это решение вызывает в научной лингвистической среде противоречивые реакции.

На большинстве территории Словакии, где проживает миноритарное население, происходит повседневная обиходная коммуникация также с мажоритарным населением. Функцию языка национального меньшинства исполняет литературная (стандартная) форма языка соответствующего «материнского государства» или же региональный язык (региональный вариант), созданный в процессе повседневной обиходной коммуникации на определенной территории Словакии. В некоторых случаях коммуникация в миноритарном языке (речь идет главным образом о ромском населении – о цыганах) происходит в рестрикционном языковом коде. Своеобразно положение чешского языка. Пассивное владение чешским языком характерно для словацкого населения по всей территории Словакии. Этот факт учитывает и закон о государственном языке. Так как чешский язык воспринимается в Словакии как общепонятный язык, в нескольких случаях он почти поставлен наравне со словацким языком.

Словацкая Республика с самого начала своего существования в 1993 г. ратифицировала большинство релевантных документов ООН. Составной частью правовой системы Словацкой Республики стали документы Совета Европы включая Декларацию ООН о правах лиц, принадлежащих к национальным, этническим, религиозным или языковым меньшинствам; Рамочная конвенция Совета Европы о защите национальных меньшинств, Европейская хартия о региональных языках или языках меньшинств и др. Так как Словацкая Республика в области законодательства, касающегося положения национальных меньшинств, подписала и ратифицировала большинство международных документов, наше государство причисляется к категории стандартной европейской демократии.

В соответствии с Европейской хартией о региональных языках или языках меньшинств в Словацкой Республике насчитывается девять языков национальных меньшинств: венгерский, чешский, русинский, украинский, немецкий, польский, хорватский, русский, болгарский и ромский языки. Все языки меньшинств в Словакии в настоящее время кодифицированы, включая и языки, не имеющие свои «материнские государства»: в 1995 г. был подвергнут стандартизации русинский язык; в 2008 г. ромский язык (частичная кодификация которого произошла уже 1975 г.) В Словакии процесс обучения в школах происходит на пяти языках меньшинств: венгерском, украинском, ромском, русинском и немецком.

К факторам, поддерживающим развитие словацкого языка в настоящее время относятся: а) статус (положение) одного государственного языка в самостоятельном и независимом государстве; б) статус (положение) словацкого языка – официального языка Европейского Союза; в) значительное количество пользователей словацкого языка на территории вне «материнского государства» (приблизительно 2,7 миллиона); г) относительно хорошее описание словацкого языка в словарях, компендиумах и учебниках.

К отрицательным (негативным) факторам относятся: а) глобализация и интеграция, приводящие к нежелательным последствиям: излишнее наименование зданий, мостов, микрорайонов (особенно в Братиславе) на английском языке; б) недостаточное финансирование лингвистических исследований и лингвистического воспитания; в) психологическое наследие пуризма, постоянно существующее и в наши дни в сознании людей, среди не профессиональных лингвистов, но, надо сказать, частично и профессиональной лингвистики, что приводит к неуверенности участников коммуникации и лишает языкового богатства; д) денежная и общественная поддержка от государственных властей полунепрофессиональных объединений, занимающихся языковыми проблемами без глубокого знания языка и условий его функционирования.

В мире существуют языки, которые, вероятно, не продолжат свое существование в следующие века. Есть языки,

которые, наоборот, перешагнут эти рубежи, так как их будущее обеспечено количеством говорящих на этом языке и «экономическими данными» определенного языка. Словацкий язык находится где-то среди них. Словацкий язык – это

язык, насчитывающий несколько миллионов говорящих, у него свое «материнское государство», он выполняет все необходимые функции, никто и ничто ему не угрожает, он относительно хорошо описан.

Онимные аспекты бессарабских и крымских болгар в языковых политиках Молдовы, Украины и России

М. Парзулова

Университет «Проф. д-р Асен Златаров» (Бургас, Болгария)

Антропоним, прозвище, этимология

Аннотация. Данная работа рассматривает антропонимы бессарабских и крымских болгар-переселенцев в Россию в начале XIX в. Прослеживаются изменения в болгарской именной системе, являющиеся результатом языковой политики стран, в которых они жили и в которых живут в наши дни их потомки.

Объект исследования данной работы – имена болгарских переселенцев в Россию во время трех русско-турецких войн: 1806–1812, 1828–1834, 1853–1856 гг. Заселение Бессарабии и Крыма болгарскими ставило себе целью освоение и облагораживание этих территорий, входивших в разные этапы своего существования в состав разных государств. Сегодня Бессарабия простирается на территории Молдовы и Украины, а Крым – часть Украины.

Бессарабские и крымские болгары имеют общие черты в своей антропонимной системе, что является результатом языковой политики как части общей политики, проводимой Россией, а позднее и СССР. После распада СССР и обособления независимых государств, в том числе Молдовы и Украины, имена болгар, при том преимущественно фамильно-именная система, указывают на некоторые различия.

Цель работы – доказать, что имена болгар в наши дни являются отражением их исторической судьбы. Они несут на себе отпечаток территории, откуда выселились их предки, места, куда переселились в начале XX в., а также и приметы времени, когда испытывали на себе интерференцию языков народов, с которыми вступали в контакт.

Иными словами, **задача** исследования – раскрыть, что антропонимия несет на себе отпечаток государственного устройства и политики этих стран, в результате этого имена адаптируются к установленной антропонимной системе.

Корпусом исследования является материал в объеме 2200 антропонимных единиц. Большая часть из них представляет собой полевые записи, собранные во время поездки, предпринятой автором по болгарским деревням на территории Одесской и Крымской областей. Другие эксерпированы из именных списков в разного рода административных документах, из архивных документов, сохраняемых в Одесском государственном архиве, из Ревизских сказок (документы, в которых указывалась численность населения по территориям согласно административному делению Российской империи за 1835, 1850, 1859 гг.).

Выводы, сделанные на базе осуществленных наблюдений над именной системой первых болгарских переселенцев, таковы:

I. В целом именная система болгар русифицирована, что представляет собой весьма естественный и логический процесс. Проявления выражаются в следующем:

1. Русификация личных имен. Личные имена первых болгарских переселенцев выбирались из болгарского или христианского именованного календаря, например: *Вело*, *Милко*, *Дена*, *Стояна*. Русификация осуществлялась двумя способами: заимствованием имен из русского именованного календаря (*Алексей*, *Григорий*, *Варвара*, *Матрона*) и путем русифицирования болгарских оригиналов. Второй способ наблюдается обычно в случаях, когда проходила перепись населения. Переписчики, которые производили перепись населения, искали подобие, некоторую аналогию в звучании русских и болгарских имен, во многих местах по своему усмотрению болгарское имя заменялось русским, напр., личное имя *Мара* было преобразовано в *Марию*, а *Мария* – в *Марину* [Грек 2006: 37].
2. Русификация отчеств. У переселенцев была двукомпонентная именная система, так как до тех пор в болгарских

землях еще не утвердилась трехкомпонентная именная модель. Вторым по месту компонентом было имя отца, типа *Жеко Стоян*. Русификация осуществлялась через суффиксацию путем прибавления *-ич*, *-ович* (для лиц мужского пола) и *-овна*, *-евна* (для лиц женского пола), напр.: *Алексеевич*, *Петрович*, *Ивановна*, *Федоровна*.

3. Русификация фамильных имен. Фамильные имена болгар присутствуют в Ревизских сказках 1859 года. Фамилии тоже подвергались процессу русификации, осуществляемому двумя способами: а) суффиксацией, напр.: к личному имени и к прозвищу добавлялись суффиксы *-ов*, *-ев*, *-ский*, напр.: *Стоянов*, *Стаматов*, *Сливенский*, *Пинтинский*; б) бессуффиксальным способом образования, напр.: перемещением ударения – болгарские личные имена *Минко*, *Михо*, *Станко* встречаются как *Минко*, *Михо*, *Станко* среди крымских и бессарабских болгар в Украине; при передаче гласного звука, отсутствующего в русском языке, он заменяется другим, напр.: рус. *Парванов* < болг. личное имя *Първан*, рус. *Волков* < болг. личное имя *Вълко*; фамильные имена от прозвищ иностранного происхождения, прежде всего турецкого и румынского, воспринимаются как «нестандартные» фамилии [Сулова, Суперанская 1976] и подобно русским не подвергаются суффиксации, напр.: *Вульпе* – от рум. *vulpe* 'лиса' (у бессарабских болгар в Украине), *Кара* – от тур. *kara* 'черный' (у бессарабских болгар в Украине и Молдове).

II. По своей этимологии фамильные имена бывают болгарского, турецкого и румынского происхождения. Преимущественно турецкой и румынской этимологии имена, образованные от прозвищ, напр.: *Дерменджи* от тур. 'мельник', *Паскар* – от рум. 'рыбак'. Турецкие фамильные имена привнесены болгарскими переселенцами под влиянием турецкого языка на быт болгарина во время турецкого рабства. Преимущественно носителями фамилий от румынского языка являются бессарабские болгары, живущие на территории сегодняшней Молдовы, что объясняется влиянием румынского языка во время установления румынской власти, а также и связями между молдавским и румынским языками.

III. В последние годы – после 1991 г., после объявления независимости Украины – выступают на передний план явления, связанные с записыванием имен на украинском в деловых документах, что в свою очередь приводит к новым фонетическим изменениям: *Дмитрий* > *Дмитро*, *Николай* > *Микола*, *Татьяна* > *Тетьяна*, *Анна* > *Ганна* [Парзулова 2007: 289]. По существу, это процесс украинизации имен. Приводим некоторые примеры фамильных имен болгар, являющихся результатом этого процесса, напр.: *Чербаджи*, *Сариев*, *Степанівна*. В паспорте любого гражданина Украины, соответственно болгарина, присутствуют имена, образованные по русской и по украинской антропонимной модели.

Литература

- Грек И. Гюлмян-Дюльмен-Яровое. Кишинев, 2006.
 Сулова А. В., Суперанская А. В. «Нестандартные» русские фамилии // Ономастика и норма. М., 1976. С. 59–71.
 Парзулова М. Русификация на българската антропонимна система в Украйна // Научни приноси в памет на проф. К. Попов. ВТ. 2007.

Языковая политика и языковая ситуация в украинской высшей школе

Е. Э. Пчелинцева

Черкасский государственный технологический университет (Черкассы, Украина)

Конкуренция языков, диглоссия, суржик, формирование сленга

Аннотация. Языковую ситуацию в высшей школе Украины характеризуют конкуренция языков, диглоссия (которая демонстрирует убывающую динамику), активное использование суржика; постепенное формирование собственно-украинской городской устно-разговорной формы речи.

Языковая ситуация на Украине сегодня, к сожалению, чрезвычайно сложна. Играют свою роль активные политические манипуляции языковым вопросом, сказываются последствия русификации, снижение качества гуманитарного образования (в частности, почти полное отсутствие русского языка и литературы как предмета в общеобразовательной школе и одновременно неудовлетворительное качество преподавания украинского языка), по-прежнему сильно влияние различных территориальных диалектов, вызванное притоком сельского населения в города. К этой не вызывающей оптимизма картине следует добавить характерное для последних лет активное вторжение англицизмов. В результате страдают оба языка, функционирующие на территории страны: низкая культура как русской, так и украинской речи, суржик, интерференция, диглоссия – вот далеко не полный список наиболее общих украинских языковых проблем. Сложность состоит в том, что если для монолингвальной среды типична картина жаргонно-литературной диглоссии [Крысин 1989: 76], то для условий двуязычия релевантна диглоссия «в квадрате» – в идеале необходимо уметь переключать коды литературного и разговорного вариантов обоих языков.

Одной из наиболее динамичных языковых групп, «лакумовой бумажкой» языковых процессов является студенчество. Проводимые нами с 2003 года ежегодные социолингвистические опросы студентов Черкасского государственного технологического университета (г. Черкассы) демонстрируют следующее положение дел. 70% студентов считают родным языком украинский, 30% – русский. Однако ожидаемого соответствующего распределения языков в непосредственном устном общении не наблюдается. С одной стороны, украинский язык прочно занял в высшей школе позиции языка официального общения: за последние 5 лет нами зафиксирована динамика использования украинского языка от 65% (2003 г.) до 90% (2008 г.) коммуникативного пространства в ситуации «преподаватель – студент».

С другой стороны, общение с ровесниками оставляет украинскому уже гораздо меньше места: только 16% (в 2003 г. – 23%) принципиально общаются на украинском языке, 27% (в 2003 г. – 35%) – по-русски и 57% выбирают язык в зависимости от ситуации (в 2003 г. – 40%). Как видим, динамика очевидна: за прошедшие пять лет на 17% увеличилось количество респондентов, одинаково (правда, по собственным оценкам) владеющих разговорными формами как русского, так и украинского языков и легко переходящих с одного кода на другой.

Аналогичная тенденция прослеживается в языковой среде преподавателей: если со студентами во время занятий преподаватель говорит преимущественно по-украински (90%), с коллегами общаются по-украински 58% респондентов (исключительно по-украински – 30%), то при непосредственном общении с друзьями в нерабочее время украинский используется суммарно в 51% ситуаций (исключительно по-украински говорят только 17% опрошенных преподавателей).

Кроме собственно проблемы конкуренции языков, специфической особенностью языкового пространства высшей школы Украины является суржик – гибридная, ущербная форма языкового существования. Пожалуй, если отбросить эмоции (а о вреде суржика на Украине сегодня рассуждают

все – от ученого до дворника), можно прийти к довольно очевидной мысли: суржик играет в украиноязычном мире ту же роль, что просторечие – в русскоязычном, то есть роль языка семейного общения, непринужденного бытового общения, регистра языковой игры.

Заметим, что за последние пять лет возросла степень осознания студентами «суржиковости» разговорной речи. Об этом свидетельствует, во-первых, такой обозначенный большинством опрошенных студентов признак культуры речи, как «чистота, отсутствие суржика»; во-вторых – сравнение результатов опросов 2003 и нынешнего года: если пять лет назад практически никто не хотел признавать, что говорит на суржике, то опрос 2008 г. дал цифру 35% (!). Поскольку сама ситуация не могла измениться столь кардинально, следует полагать, что дело здесь именно в осознании низкого качества языка общения. Показательно, что 99% опрошенных выражают крайне негативное отношение к суржику и четко отделяют его от жаргона. При этом практически все опрошенные понимают его лишь как механическое смешение форм двух языков, не осознавая того факта, что в суржике происходит намного более глубокое взаимопроникновение языков – от фонетического до синтаксического уровней (например, слов типа «*врем*”я», «*мироприємство*», «*пойняв*» не существуют ни в русском, ни в украинском), что сильно усложняет для носителя суржика освоение литературного языка.

Другая существенная особенность устной формы речи украинского студенчества – постепенное формирование украинского сленга. Если согласиться с мыслью украинской исследовательницы Л. Ставицька о том, что развитая городская лингвокультура, активное языкотворчество – показатель здоровья языка [Ставицька 2001: 23], то надежда на «языковое выздоровление» у украинцев все же есть. Основанием может служить ежегодно фиксируемое нами по результатам опроса возрастание количества жаргонизмов, образованных от украинских слов, по украинским словообразовательным моделям и / или имеющих украинское фонетическое оформление (например, *курсач* ‘курсовая работа’, *заликовка* ‘зачетная книжка’, *власти на мороз* ‘сдать зачет или экзамен путем придумывания обстоятельств, рассчитанных на чувство жалости у преподавателя’, *панщина* ‘университет’ и пр.). На наш взгляд, эта тенденция действительно демонстрирует потребность в языковой игре, языковом творчестве, а значит – свидетельствует о возрастании его реального коммуникативного потенциала.

Итак, основные черты, характеризующие языковую ситуацию в украинской высшей школе: диглоссия (с уменьшением официальности ситуации сужается коммуникативное пространство украинского языка и, соответственно, расширяется пространство русского), активное использование суржиковых форм при одновременно негативном отношении к ним; постепенное формирование собственно-украинской городской устно-разговорной формы речи.

Литература

- Крысин Л. П. Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка. М., 1989.
Ставицька Л. Кровозмісне дитя двомовності // Критика. 2001. № 10 (48). С. 20–24.

Язык русской диаспоры в самопровозглашенных республиках ближнего зарубежья (на материале Приднестровья)

Е. А. Погорелая

Приднестровский государственный университет им. Т. Г. Шевченко (Тирасполь, Приднестровье)

Групповые языковые права, языковое право личности

Аннотация. В докладе рассматривается социокультурный контекст динамики межэтнического взаимодействия народов в полиэтническом сообществе самопровозглашенных государств.

1. Стараниями новых идеологов независимых постсоветских государств благородная идея сохранения и развития

национальных языков и культур всех нерусских народов, консолидирующая общество на рубеже 80–90-х годов

XX в., была трансформирована в концепцию национального возрождения одного из народов полиэтничного социума. Такая модификация исходного замысла привела к нарушению межэтнического согласия в обществе и усугубила кризисное состояние аксиологической системы русской и русскоязычной личности во всех странах нового зарубежья.

2. Языковая политика, правовую основу которой составляют законодательные акты о языках, резко изменила социокультурную ситуацию: включив правовые механизмы, работающие на фактическое доминирование государственного моноязычия, авторы новой концепции языковой политики сознательно вывели из сферы обоюдных интересов русского и нерусских народов отношение к языку как к индикатору уникальной культуры, которая только и обращает процесс общения в диалог взаимообогащения, и превратили язык в действенный инструмент идеологии, разрушающей основу полиэтничного социума – естественное право самобытных народов сохранять в процессе толерантного межэтнического взаимодействия свои культурные ориентации и языковые предпочтения.

3. Проанализировав тексты законов о языках и оценив смену социокультурных ориентиров в языковой политике последнего десятилетия XX века, мы утверждаем, что в условиях правового ограничения и фактического сужения функционального поля русского языка, разрушения полноценной инфраструктуры русскоязычного общения, стимулирующей культурные ориентации отдельной личности и всей социокультурной общности, система идентификационных представлений русскоязычной личности в постсоветских государствах переживает кризисное состояние, что может в перспективе привести к появлению сдвигов не только в ее культурно-языковой, но и этнической самоидентификации.

4. Разумное регулирование межъязыковых отношений немислимо без органичной их связи с культивированием в межличностных и – шире – в межкультурных взаимоотношениях всех составляющих полиэтничного сообщества атмосферы доверия, уважения, терпения и согласия. Двойные же стандарты в оценке роли и места различных языков – основы этнокультурной самобытности народов – ведут не столько к формированию двойной системы ценностей в обществе, сколько к осознанной и целенаправленной деформации общей системы идентификационных представлений каждой личности, вынужденной сквозь призму государственного языка формировать определенные компоненты шкалы своей аксиологической культуры. Сложное переплетение элементов в системе двойных стандартов, усугубляющее повышенную внутри- и внешнеполитическую конфликтность общества и личности, – это зеркально отраженные составляющие того ценностного вакуума, который характеризует духовное состояние всех групп населения регионов постсоветского пространства и стимулирует формирование «диаспоральных» свойств сознания и навыков поведения.

5. На фоне масштабной дезинтеграции постсоветского пространства и стратификации полиэтничного сообщества

суверенных государств по языковому и, шире, этническому признаку сам феномен возрожденной государственности Приднестровья – это результат межэтнической интеграции приднестровского социума, бережно сохраняющего свыше двух веков русский язык – социально-культурную основу своего интернационального единства и традиционно толерантного взаимодействия.

6. Приднестровье следует апробированному в демократических странах варианту лингвистического законодательства: одинаковый правовой статус в регионе имеют языки трех основных этнокультурных групп населения – русский, молдавский, украинский, что оптимально соответствует исторически сложившейся в регионе лингвистической ситуации.

7. Стабильность языковой ситуации в Приднестровье обусловлена дифференцированным использованием потенциала официальных языков, которые образуют целесообразную систему «приоритетного» полиязычия, позволяющую обеспечить толерантное межэтническое общение и сохранить культурные ориентации и языковые права представителей каждого из самобытных этносов. Социальной доминантой этой функционально устойчивой системы выступает русский язык, консолидирующая роль которого проявляется в укреплении исторически сложившихся представлений приднестровцев о своем интернациональном единстве.

8. Правовой статус и масштабы функционирования русского языка во всех сферах официальной и общественной жизни приднестровского социума – это феномен, сохраняющий на фоне антирусского вектора этноязыковых процессов в постсоветских государствах возможность полноценной самореализации русскоязычной личности.

9. Феномен региональной идентичности, занимающий приоритетное место в системе идентификационных ценностей современной личности полиэтничного сообщества Приднестровья, состоит в осознанном и добровольном соотношении представлений русскоязычной личности с единым социумом, все члены которого берегут главную ценность – толерантное межэтническое взаимодействие, возможное благодаря целесообразному использованию потенциала каждого из функционально дифференцированных языков с одинаковым официальным статусом. В условиях политической непризнанности выбор такого социолингвистического образа жизни сохраняет духовное единство полиэтничного социума и языковые права приднестровцев, оберегая сознание русскоязычной личности от развития «диаспоральных» свойств и навыков поведения.

10. Истинная забота полиэтничного социума Приднестровья о национальной культуре каждого из самобытных народов даже в экстремальных условиях политической непризнанности и экономической блокады позволила избежать юридически обеспеченного национального неравенства и сохранить единые духовные ценности – паритет и толерантное взаимодействие трех основных этносов, правовое равенство их языков, культурные ориентации и языковые права отдельной личности.

Продуктивность на теории на Другом в интересословенски контекст

С. Стојменска-Елзесер / С. Стојменска-Элзесер

Институт за македонска литература (Скопје, Македонија)

Анотация. Продуктивность теорий о Другом в интересословенском контексте. В данной статье автор обращает особое внимание на понимание теорий о Другом (имнологические, традуктологические, постколониальные, интеркультурные и др.) в широком объеме интересословенских сравнительных исследований. Насколько и как они могут быть инспиративными, какие конкретные результаты они могут дать и какие же перспективы открываются в культурологическом понимании славянского мира – это основные вопросы, которые рассматриваются в этом труде. Несомненно, что доминантный подход при рассмотрении этих теоретических инструментов предлагается с точки зрения македонской литературы и культуры.

Во културите на народите кои говорат јазици што потекнуваат од заедничкиот јазичен словенски корен, односот кон словенството е многу комплексен и дискутабилен. Тој има повеќе лица и може да биде разгледуван од повеќе аспекти. Интеркултурните релации помеѓу словенските народи вибрираат помеѓу екстремните точки на оние видови релации што Даниел Пажо ги има наречено «фобии» и «филии», а во исто време е многу обременет од една силна обединувачка струја, која под капата на оној префикс «пан» (се мисли на «панславизам») се покажува како суров арбитер во

поставувањето или доделувањето на соодветни, односно несоодветни простори и вниманија на културите, народите, етносите кои му припаѓаат на словенскиот круг. Многу ретки се оние контакти помеѓу словенските култури кои се ослободени од негативностите што неминовно ги изродуваат веќе споменатите видови на релации. «Филијата» како вистинска интер-културна дијалогска релација, која подразбира потполна меѓусебна почит, толеранција, разбирање и запознавање, се уште претставува посакувана форма на релација, кон која помалку или повеќе се стремат словен-

ските култури. Врз примерите од македонската книжевност може да се размислува за суптилниот однос спрема словенството, како категорија која во себе обединува две спротивни тензии: блискост, сродност, од една страна, но и поглед на словенството како на «другост», како на целокупното словенство, така и на одделните словенски култури и народи. Самата категорија «словенство» или «славизам» е прилично проблематична. Дали е тоа само јазична сродност која постојано потсетува на некои дамнешни заеднички корени, или е мит за заедништво кој низ историјата не може да се потврди со некои особено силни аргументи, или, пак, станува збор за една илузија за единство, сплотеност, братство или, во овој случај почесто споменуваната метафора на сестринство; за само една од многуте илузии и слични утопски концепти од светската историја на идеи.

Во актуелниот миг, по распадог на заедничките збирни држави какви што беа Советскиот сојуз, Југославија и Чехо-

словачка, сфаќањето на словенството, неговото промислување и чувствување добива нови димензии. Словенски се дванаесетина народи, со свои специфики, кои градат свои културни идентитети. Но, карактеристично е што повеќето од нив како да се срамат, како да го прикриваат и потиснуваат своето словенство. Интересот за словенството како да почнал и запрел на ниво на етнологијата и фолклорот. Сликата за словенството во македонската литература има амбивалентен карактер, од една страна, тоа е слика за нешто друго и до извесен степен туѓо, а од друга страна тоа е слика за себе, за својот исток (што значи «извор» на старословенски), за својот корен и за еден значаен, базичен слој на сопствениот идентитет. Од тие причини, сликата за словенството во македонската култура е една комплексна појава, која обединува слика кон надвор и кон внатре, кон другиот и кон себе, слика кон туѓото, но и кон сопственото истовремено.

Славянские народы между взаимной солидарностью и членством в Европейском Союзе

Я. Чарногурский

Братиславский вуз права (Братислава, Словакия)

- Славянские народы постоянно находятся на возрастающей кривой своего исторического развития. В XIX в. только Россия была независимым государством, сегодня все славянские народы независимы, по крайней мере формально. В конце I и II мировых войн славянские народы принадлежали к лагерю победителей.
- После II мировой войны славянские народы первый раз оказались в одном политическом лагере, под руководством Советского Союза. Однако это был лагерь, связанный коммунистической идеологией, которая привела их в тупик.
- После окончания холодной войны для мелких и средних славянских народов стало интересной целью членство в ЕС. Постепенно членство они получили, а социологические исследования показывают и значительный интерес к членству в ЕС также у Белоруссии и Украины. Членство России является только теоретической возможностью.
- Славянские народы находятся в двух лагерях. С одной стороны Россия и Белоруссия, Украина пока что не определена, с другой стороны остальные славянские народы в ЕС. Данное разделение влияет на сотрудничество между славянскими народами.
- В условиях одинаковых правил ЕС славянские народы окажутся перед вызовом: приведет ли языковая и куль-

турная близость к более узкому взаимному сотрудничеству в рамках ЕС.

- Исторический пример: в условиях Австро-Венгрии чехи, словаки и сербы взаимно помогли друг другу в большей мере, чем неславянским народам в рамках монархии. Славянский вопрос в рамках Австро-Венгрии в конце концов привел к началу I мировой войны и распаду Австро-Венгрии.
- Примером тесного сотрудничества славянских народов в рамках ЕС является значительное влияние Словакии в рамках ЕС с целью начала переговоров о вступлении Хорватии в ЕС.
- Для отношений славянских народов является ключевым отношением к России. Для славянских народов, которые являются членами ЕС, отношение к России трансформируется через правила ЕС.
- Славянские народы в ЕС могли бы стремиться в рамках ЕС к наилучшим отношениям с Россией. К сожалению, это пока что делают не все, а некоторые даже наоборот.
- Отдельной проблемой является членство славянских народов в НАТО. Вступление в НАТО было в большинстве случаев (возможно за исключением Польши) результатом манипуляции с общественным мнением и противоречило мнению населения.

Чешская языковая ситуация и ее развитие

С. Чмейркова / S. Čmejrková

Институт чешского языка Академии наук ЧР (Прага, Чешская Республика)
Диглоссия, литературный язык, *obecná čeština* (обеца чештина), дистрибуция

Чешскую языковую ситуацию некоторые богемисты характеризуют термином *диглоссия*, чтобы отразить тот факт, что в обслуживании совокупности ее коммуникативных событий принимают регулярное участие две языковые разновидности, генетически родственные, соблюдая определенные правила дистрибуции. По характеристике, которую дал феномену диглоссии Charles Ferguson [Ferguson 1959: 336], диглоссия представляет собой релятивно стабильную языковую ситуацию, когда наряду с традиционными диалектами (стандартами или региональными стандартами) существует кодифицированный (часто грамматически более сложный) вариант, который является языком уважаемой литературы, возникшей в прошлом данного общества (или в другом речевом обществе). Высший вариант (В) употребляют в таких обществах в большинстве письменных ситуаций, а также в большинстве формальных устных выступлений. Но данный высший вариант не употребляют в ситуациях бытовых, повседневных, в которых выступает так наз. низкий вариант (Н). В чешской языковой ситуации выполняют роль данных двух разновидностей литературный язык (В) и

так наз. *obecná čeština* (Н). Понятие диглоссии применяют к чешской языковой ситуации главным образом заграничные богемисты. Чешскую языковую ситуацию впервые назвал диглоссической американский лингвист Lew R. Micklesen в 1978 г., и вслед за ним Charles Townsend, Галина Нешименко, Linda Laura, Neil Bermel, Tora Hedin и др. Данный концепт обсуждается и чешскими лингвистами, начиная с анализа Ф. Данеша (1988), который рассматривал возможность применения к чешской языковой ситуации параметров, введенных Фергюсоном, т. е. (1) условия, способствующие развитию диглоссии, (2) функции разновидностей, (3) общественный престиж, (4) усваивание разновидностей, (5) норма и кодификация, (6) манифестации различий на отдельных языковых уровнях, (7) стабильность ситуации и тенденции к сближению и выравниванию.

Обсуждение данных параметров продолжается и в современной лингвистической литературе, и внимание сосредоточивается на сдвигах, происходящих в дистрибуции двух выше приведенных вариантов и их оценке говорящими, т. е. стабильности ситуации. Интерес привлекает вопрос, можно

ли говорить о том, что конкуренция обоих вариантов ограничена. Под ограниченностью конкуренции подразумевается то, что в большинстве речевых событий приемлем только один вариант, в то время как подбор «неправильного» варианта смущает слушателя или читателя и вызывает санкции говорящего или пишущего. Развивающиеся дискурсивные практики, однако, свидетельствуют о том, что количество речевых событий, в которых встречаются оба варианта, или их смещение, возрастает, и смещение обоих вариантов приемлемо не только в сфере функционирования Н, но иногда и в сфере В.

В области письменной коммуникации до сих пор функционирует литературный язык, т. е. вариант В, и выступает здесь как разновидность нейтральная и вполне ожидаемая. Примером служат научная литература и административные документы, публицистика и часть современной беллетристики. Отклонения от литературного языка в письменном общении сигнализируют о близком и неформальном отношении писателя и адресата, как это имеет место, напр., в личной переписке.

Традиционной областью, в которой употребляется вариант Н в письменном виде, является художественная литература, но к оценке данного варианта нельзя подходить, употребляя критерий «правильности» или «неправильности», так как уход от нейтрального идиома здесь вызван техникой фокализации, т. е. авторской игрой с точкой зрения рассказчика и изображаемых персонажей. Но миметичность художественной литературы может оказывать влияние и на другие типы текстов и жанров, напр. публицистических, в которых использование варианта Н мотивировано стремлением воспроизвести черты спонтанной речи, чтобы наладить неформальное отношение с читателями, особенно молодыми, приблизиться к их интересам, ценностям и речевому поведению. Автор текста сигнализирует, что он говорит на том же языке. Названная стратегия применяется, напр., в рекламных текстах, в которых вариант Н помогает привлечь внимание целевой группы и обращаться к ней, используя ее речь. Игры с актуализированным применением идиома Н не избегают и другие публицистические тексты. В жанрах, соприкасающихся с профессиональными и научными, остается актуализированное применение варианта Н, но только как исключение, имеющее, напр., характер мистификации и игры с читательским ожиданием.

Говоря о приемах, способствующих расширению варианта Н, надо отметить еще один тип манифестации варианта Н в письменном тексте. В современной чешской прессе появляется тенденция печатать в журналах и газетах интервью с людьми, говорящими на Н, в виде, сохраняющем черты обиходного разговора, в том числе и черты их нелитератур-

ного идиома. Данный прием, несомненно, динамизирует релятивную стабильность дистрибуции литературного и нелитературного идиомов и свидетельствует об интервенции варианта Н в сферу письменности. Данное стремление воспроизвести в письменном тексте дух спонтанности и неформальности непосредственного разговора надо обсуждать на фоне развития дискурсивных практик современных СМИ, в том числе и электронных. Если уже в 1980-е гг. можно было констатировать, что ситуация в СМИ предлагает множество примеров разного рода «смещения и переключения кодов», то коммуникативное поведение, встречающееся в СМИ в 1990-е гг. намного пестрее, это касается манифестации неформальности, непосредственности, сердечности и фамильярности, а иногда также пошлости и вульгарности, особенно в частных СМИ.

Кроме того, расширению сферы неформального общения, не только устного, но и письменного, способствовало возникновение новых жанров, обусловленных компьютерной коммуникацией. Компьютеры предоставляют новые возможности переноса слова, и язык реагирует тем, что использует существующие коммуникативные нормы и приспособляет их к новым возможностям переноса. Специфические коммуникативные стратегии, связанные с компьютерами, привлекают внимание лингвистов, напр. симуляцией близкого контакта лиц, находящихся на больших расстояниях, часто не знающих друг друга, но объединенных своеобразной групповой принадлежностью, напр. в чатах. С этим часто связано употребление той разновидности языка, которая характерна для обиходной речи. Оказывается, что методологическая дифференциация письменности и «устности» затемняет то, что на речевой практике мы встречаемся с комбинацией и симбиозом черт письменности и «устности». Выход из положения дают теоретические понятия концептуальной vs. материальной «устности» и письменности. В их основе лежит контраст близкой, контактной vs. отдаленной, дистантной речи.

Данные процессы будут рассматриваться в контексте процессов технологизации, конверсационализации и маркетизации общественного дискурса.

Литература

- Нещипенко Г. П. Языковая ситуация в славянских странах. М., 2003.
 Čmejrková S. Reklama v češtině, čeština v reklamě. Praha, 2000.
 Čmejrková S. Čeština mediální, mluvená a psaná // Přednášky z 49. běhu Letní školy slovanských jazyků. Praha, 2006. S. 47–63.
 Daneš F. Pojem «spisovného jazyka» v dnešních společenských podmínkách // Jazyk a text. Výbor z lingvistického díla Františka Daneše I. Část 2. Praha, 1999. S. 289–296 (orig. [1988]).
 Ferguson, Ch. A. Diglossia. Word 15. 1959. S. 325–340.

К вопросу о сохранении славянских культур: из опыта петербургских славистов

З. К. Шанова

Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)

Славистическое образование, научные конференции, работа со школьниками

Аннотация. Изучение славянских языков и литератур в отечественных вузах. Вопросы языков, литературы, культуры славян, исторической роли славянства в культурном многообразии Европы и мира на научных конференциях, проводимых петербургскими славистами. Цель преподавания славянских языков и культур в школе – расширение мировоззренческого кругозора учащихся, формирование их социокультурной компетенции, сознания носителей славянской культуры.

Деятельность университетских славистических кафедр направлена на изучение и исследование языков, литературы, сохранение культуры славянских народов. Хотелось бы поделиться тем, как петербургские слависты решают свои задачи, используют возможности.

На кафедре славянской филологии в Санкт-Петербургском / Ленинградском университете с 1944 г. получают образование специалисты по славянским языкам и литературам на болгарском, польском, сербохорватском и чешском отделении. В 2005 г. был осуществлен первый выпуск специалистов-словакистов. В 2008 г. в магистратуру кафедры набрана группа украинистов. Как второй и третий славянский на кафедре преподаются белорусский, украинский, македонский, словацкий, словенский языки, читается спецкурс по хорватскому языку. Славянские языки преподаются также на отделениях русской, албанской, новогреческой

филологии и на кафедре истории славянских и балканских стран исторического факультета. За период после 1944 г. кафедра славянской филологии выпустила свыше 1300 специалистов-славистов. Наши выпускники находят применение своим знаниям в разных областях человеческой деятельности, обучают и воспитывают новые поколения славяноведов, многие стали видными славистами, работая в научных и образовательных учреждениях Санкт-Петербурга, Москвы, Волгограда, Петрозаводска, Самары, Киева, Минска и др.

В 1971 г. кафедра организовала межвузовский семинар преподавателей зарубежных славянских языков и литератур. Участники семинара приняли решение обратиться в МВ и ССО с предложением создать единый научно-методический центр координации педагогической и организационной деятельности всех преподавателей-славистов. В 1972 г. при МВ и ССО СССР был создан Научно-методический со-

вет по славянской филологии, который с 1973 г. включил в типовые учебные планы отделений русской, украинской, белорусской филологий славянские языки в качестве обязательных дисциплин, в дальнейшем и курс истории славянских литератур был переведен из факультативных в обязательные. Изменилась численность студентов, изучающих славянские языки в вузах страны: если в 1971 кроме университетов Москвы, Ленинграда, Киева и Львова славянские языки изучались в 34 университетах и 16 пединститутах, то в 1984 г. – в 60 университетах и 19 пединститутах. Всего же по стране славянские языки изучали 15 000 человек [Дмитриев, Сафронов 1985].

С 1999 г. кафедра ежегодно проводит международную научную конференцию Славистические чтения памяти профессоров П. А. Дмитриева и Г. И. Сафронова, где организуется работа нескольких секций – грамматики, синтаксиса, лексикологии, фразеологии, паремологии, лексикографии, истории славянских языков, культурных и литературных взаимосвязей, литературоведения, теории и критики перевода, истории славяноведения, методики преподавания славянских языков. На X Славистических чтениях в 2008 г. работала также секция рецепции славянской культуры в неславянском зарубежье.

Вопросам истории и культуры славян посвящены Державинские чтения – международная конференция, которую с 1996 г. проводит кафедра славянской филологии и Межреспубликанская ассоциация болгаристов. Акад. Н. С. Державин, руководивший кафедрой в 1944–1953 гг., определял славяноведение как комплекс дисциплин, изучающих язык, литературу, историю, этнографию, в Державинских чтениях принимают участие славяноведы – филологи, историки, этнографы, искусствоведы. В 1932–1934 гг. в Ленинграде действовал созданный Н. С. Державиным Институт славяноведения. Стало традицией одно из заседаний Державинских чтений проводить в Славянском читальном зале Библиотеки РАН, где когда-то располагался Институт.

Ежегодно в начале апреля на филологическом факультете СПбГУ проводится студенческая научная конференция, заседания славистической секции также проходят в помещении Славянского фонда Библиотеки РАН. Проведение конференций в Библиотеке РАН дает возможность подготовить тематические книжные выставки и познакомить участников

конференций, студентов кафедры славянской филологии и широкую аудиторию читателей с фондами Библиотеки РАН, хранящими большое количество ценных книг по славистике. В Славянском читальном зале при участии преподавателей, аспирантов и студентов кафедры славянской филологии было подготовлено более 30 выставок, посвященных памятным датам истории славянских стран, творчеству ученых-славистов, юбилеям славянских писателей и др.

С 1992 г. кафедра славянской филологии развивает новое направление деятельности – студенты, аспиранты, преподаватели, выпускники кафедры преподают языки, литературу и культуру славян в школах города. Выпущены школьные программы по славянскому языку, по истории культуры славянских народов, учебные пособия по этим дисциплинам. Основная цель преподавания славянских языков и культур в школе – расширение мировоззренческого кругозора учащихся, формирование их социокультурной компетенции, сознания носителей славянской культуры.

Ежегодно в канун Дня славянской письменности кафедра славянской филологии проводит городскую научно-практическую конференцию молодых славистов – учащихся старших классов славянских школ и первокурсников-славистов филологического и исторического факультетов – «Диалог славянских культур». Школьники и студенты выступают с докладами, посвященными славянским обычаям и праздникам, памятным историческим событиям славянских стран, юбилейным датам славянских писателей, художников, композиторов, взаимовлиянию славянских культур. В 2009 г. состоится Десятая конференция молодых славистов «Диалог славянских культур».

Петербургские слависты участвуют также в работе Санкт-Петербургской ассоциации международного сотрудничества, деятельность которой направлена на укрепление культурных взаимосвязей с зарубежными, в том числе и славянскими, странами. Ассоциация ежегодно проводит конференции, посвященные исторической роли славянства в культурном многообразии Европы и мира, современным проблемам славянских народов.

Литература

Дмитриев П. А., Сафронов Г. И. 150 лет славянской филологии в университетах России и СССР // Филол. науки. 1985. № 6. С. 42–48.

K otázke členenia slovanských jazykov z aspektu fonologickej typológie

J. Dudášová-Kriššáková

Inštitút rusistiky, ukrajistiky a slavistiky, Filozofická fakulta, Prešovská univerzita (Prešov, Slovenská republika)

Ak sa hovorí o jazykovej typológii, tradične sa myslí na vymedzenie typologicky relevantných javov na morfolologickej rovine. A cez prizmu dominantného jazykového (morfológického) typu sa skúmajú aj typologicky relevantné javy na ostatných jazykových rovinách. Ak ide o flektívny typ jazyka, za typologicky relevantné sa pokladajú tie, ktoré sú týmto dominantným typom determinované. E. Lotko pokladá napríklad rozvinutý vokálny systém češtiny za prejav väčšej flektívnosti jazyka a, naopak, rozvinutý konsonantizmus poľštiny za prejav obmedzenej flektívnosti. Tento postup, ktorý uplatňuje E. Lotko vo svojich prácach, najmä v publikácii *Polština a čeština z hlediska typologického* (1981), a v ktorom nadväzuje na tradície českej typologickej školy založenej V. Skaličkom, je zameraný na opis javov povrchovej štruktúry (jazyková typológia sa vo všeobecnosti pokladá za jazykovodnú disciplínu zaoberajúcu sa javmi povrchovej štruktúry).

A. V. Isačenko vo svojej klasifikácii slovanských jazykov z hľadiska fonologickej typológie rozdelil slovanské jazyky na 1) **krajný vokálny typ** [srbčina, chorvátčina (v jeho terminológii srbochorvátčina), slovinčina, kašubčina], 2) **krajný konsonantický typ** [ruština, ukrajinčina (bieloruštinu neuvádza), bulharčina (macedónčinu neuvádza), poľština, horná lužická srbčina, dolná lužická srbčina], 3) **prechodný typ medzi krajným vokálnym a krajným konsonantickým typom** [slovenčina (údaje z češtiny neuvádza)]. Analyzujúc vzťahy medzi vokálnym a konsonantickým podsystemom, vidí istú zákonitosť v tom, že jazyky s rozvinutým vokalizmom majú nerozvinutý konsonantizmus a, naopak, jazyky s rozvinutým

konsonantizmom majú pomerne jednoduchý vokalizmus. Za vnútornú štruktúrnú príčinu uvedeného javu pokladá (v intenciách fonologického zákona vymedzeného R. Jakobsonom) inkompatibilitu, t. j. nezlúčiteľnosť polytónie jazykov a konsonantickej mäkkostnej korelácie ([Isačenko 1939–1940]; zákon o inkompatibilite polytónie a konsonantickej mäkkostnej korelácie formuloval R. Jakobson v [Jakobson 1931]).

V uvedenej myšlienke R. Jakobsona a A. Isačenka je vystihnutá podstata fonologickej typológie, zameranej na vymedzenie najvšeobecnejších znakov zvukového systému slovanských jazykov. Táto štruktúra fonologickej typológie sa dá využiť aj pri konfrontačnom opise fonologických systémov spisovných jazykov i dialektov, prípadne iba dialektov. Stále však máme na myslí opis typologicky relevantných javov fonologických systémov blízko príbuzných jazykov (dialektov). Princíp delenia jazykov na konsonantický typ a vokálny typ je univerzálnym kritériom, ktoré sa dá využiť aj pri konfrontácii nepríbuzných jazykov (dialektov). Druhý princíp delenia jazykov podľa prozodických fonologických vlastností je tiež využiteľný aj pri typologickej klasifikácii nepríbuzných jazykov alebo dialektov.

Ak však hľadáme vnútorné, štruktúrne súvislosti medzi rozvinutým konsonantizmom a nerozvinutým vokalizmom, resp. naopak, tie spočívajú v spoločnom slovanskom základe. Tie slovanské jazyky, v ktorých sa zachovala konsonantická mäkkostná korelácia, patria ku konsonantickému typu, lebo v týchto jazykoch sa rozlišujú tvrdé a mäkké protiklady vo všetkých, resp. vo väčšine artikulačných radoch. Preto jazyky

konsonantického typu majú pomerne vysoký počet spoluhlások, napríklad bieloruština (39), bulharčina (39), ruština (37), ukrajčina (32), poľština (31). Naopak, tie slovanské jazyky, v ktorých sa zachovali praslovanské intonácie a kvantita, majú rozvinutý vokalizmus, preto sa zaraďujú ku krajnému vokalizkému typu, lebo majú pomerne vysoký počet vokálov, napríklad srbčina a chorvátčina (20), slovinčina (18), kašubčina (26). V slovenčine, v ktorej sa zachovala kvantita, je však pomer vokálov a konsonantov pomerne vyrovnaný (15 : 27), preto sa spisovná slovenčina zaraďuje k tzv. prechodnému typu. (Konsonantický systém v starej slovenčine bol zásadne prehodnotený po zániku konsonantickej mäkkostnej korelácie v 14. – 15. stor. Zvyšky tejto korelácie sa zachovali v štyroch dvojiciach /t – t', d – d', n – ñ, l – l'/, ale pre uvedené štyri dvojice tvrdých a mäkkých dentál nie je vlastnosť mäkkosti – tvrdosti fonologicky relevantná, hoci sa fonetický rozdiel tvrdosti – mäkkosti medzi nimi zachoval.) Tento postup je zameraný na opis javov povrchovej aj hĺbkovej štruktúry a príčiny rozvinutosti / nerozvinutosti jednotlivých podsystémov hľadá v hĺbkovej štruktúre ich fonologických systémov.

V. Skalička [Skalička 1960: 94] sa domnieva, že okrem princípu delenia jazykov na vokalizký a konsonantický typ, ktorý rozpracoval A. Isačenko, sú dôležité aj ďalšie princípy: princíp distribúcie foném v slabike a princíp frekvencie jednotlivých foném a skupín foném v texte. Na základe uvedeného charakterizuje ruštinu ako konsonantický typ jazyka, v ktorom je distribúcia vokálov v texte v porovnaní s češtinou vyššia, lebo s týmto konsonantickým rázom ruštiny je v súlade kvantitatívne uplatňovanie vokálov v texte.

Praslovančina bola výrazným vokalizkým typom jazyka, v ktorom sa dlhú dobu rozvíjali vokalizké dištinkcie a až po zániku slabých jerov sa podľa V. Skaličku [Skalička 1960: 98] posilnil vývin smerom ku konsonantickosti a súčasne s tým sa začína aj odklon od flektívneho typu. Súčasný slovanský jazyk sa z hľadiska fonologickej typológie delia na vokalizký a konsonantický typ, kým z hľadiska morfolologickej typológie patria k flektívnemu typu, v ktorom sa v rôznej miere posilňuje izolácia a aglutinačná zložka. (Na posilňovanie aglutinačných črt v slovenčine upozorňuje E. Pauliny v [Pauliny 1990].) Ako

je známe, najvýraznejšie sa posilnila izolácia zložka a najväčšími sa oslabil flektívny typ jazyka v bulharčine a macedónčine.

Náš konfrontačný opis fonologického systému slovanských jazykov, ktorému sa v posledných rokoch venujeme (2001, 2004, 2007), sa síce opiera o typologickú analýzu vzťahov medzi vokalizkými a konsonantickými fonémami rozpracovanú A. V. Isačekom, ale na rozdiel od tejto analýzy, ktorá je zameraná na charakteristiku vzťahov vo vokalizme a konsonantizme vo všetkých slovanských jazykoch na základe výskumu z r. 1939, náš opis sa sústreďuje na podrobnú analýzu vzťahov medzi vokalizkými a konsonantickými fonémami iba dvoch jazykov, ale na širšom slovanskom pozadí. Okrem toho naša analýza sa opiera o najnovšie výsledky výskumu jazykovej teórie a praxe a v mnohých prípadoch koriguje, dopĺňa a spresňuje údaje o fonologickom systéme skúmaných jazykov.

Literatúra

- Dudášová-Kriššáková Júlia. Fonologický systém spisovnej slovenčiny a poľštiny z typologického hľadiska // Slavica Slovaca. 1999. Roč. 34. Č. 1. S. 16–24.
- Dudášová-Kriššáková Júlia. Fonologický systém spisovnej slovenčiny a bieloruštiny // Slavica Slovaca. 2001. Roč. 36. Č. 2. S. 97–108.
- Dudášová-Kriššáková Júlia. Fonologický systém spisovnej slovenčiny a ruštiny z typologického hľadiska // Hľadanie ekvivalentnosti II. AFPhUP Filozofická fakulta Prešovskej univerzity v Prešove 2004. S. 87–101.
- Dudášová-Kriššáková Júlia. Fonologický systém spisovnej slovenčiny a spisovnej ukrajčiny z konfrontačného hľadiska // Slovensko-ukrajinské vzťahy v oblasti histórie, kultúry, jazyka a literatúry. Vedecký zborník Múzea ukrajinskej kultúry vo Svidníku. Zv. 24. Svidník 2007. S. 395–403.
- Isačenko A. V. Versuch einer Typologie der slawischen Sprachen // Linguistica Slovaca. I. 1939–1940. S. 64–76. Русский перевод: Исаченко А. В. Опыт типологического анализа славянских языков // Новое в лингвистике. III. М., 1963. С. 106–121.
- Jakobson R. Ueber die phonologische Sprachbünde // Travaux de Cercle Linguistique de Prague. 4. 1931. S. 164–183.
- Pauliny E. Vývin slovenskej deklinácie. Bratislava, 1990.
- Skalička Vladimír. Vývoj jazyka. Praha, 1960.